

На правах рукописи

Волков Евгений Владимирович

**БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ СОВЕТСКОГО
ОБЩЕСТВА: ЭВОЛЮЦИЯ «ОБРАЗА ВРАГА»**

Специальность 07.00.02 – «Отечественная история»

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Челябинск – 2009

Работа выполнена на кафедре истории России ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»

Научный консультант – доктор исторических наук,
профессор
Нарский Игорь Владимирович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор
Ушаков Александр Иванович,

доктор исторических наук,
профессор
Янковская Галина Александровна,

доктор исторических наук,
профессор
Загребин Сергей Сергеевич.

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Челябинский
государственный университет»

Защита состоится «11» декабря 2009 г., в 12-00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.298.13 при Южно-Уральском государственном университете (454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, ауд. 244).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Южно-Уральского государственного университета.

Автореферат разослан « ___ » ноября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

М.И. Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы состоит в том, исследование коллективной памяти представляет собой одно из новых и перспективных направлений в современной историографии. Изучение этого культурного феномена о тех или иных исторических явлениях открывает новые возможности, позволяет существенно расширить горизонты познания прошлого. Обращение к изучению коллективной памяти дает новые ответы на старые проблемы, а также ставит и решает ряд принципиально иных исследовательских задач.

Значимым явлением в истории России XX века стало Белое движение как военно-политическое течение, борющееся за альтернативный вариант развития нашей страны после прихода к власти большевиков. В 1990-е гг. произошел колоссальный всплеск интереса к истории Белого движения. Однако до сих пор главное внимание исследователей и публицистов было приковано исключительно к политической истории. До настоящего времени практически нет работ, авторы которых изучали бы коллективные представления о Белом движении. Данное исследование должно восполнить этот пробел.

Наша диссертационная работа имеет выход и на проблематику, связанную с выявлением культурно-идеологических факторов, способствующих постепенному упадку советской государственности, а в перспективе – распаду СССР. С другой стороны, несмотря то, что с момента краха советской государственной системы минуло уже около двадцати лет, некоторые атрибуты, идеологические и ментальные установки, культурные ориентиры тех времен очень сильны и в современном российском социуме. Поэтому изучение представлений советского общества, разных аспектов его развития, позволит глубже понять современную ситуацию и выстроить предполагаемую модель будущего.

В качестве **объекта исследования** рассматриваются медийные и материальные носители культурной памяти, а именно – политическая риторика советских руководителей, мемуарные и научные тексты, художественная литература, театральная драматургия, изобразительное искусство и игровой кинематограф. Все они представляют собой каналы, по которым транслировалась культурная память советского общества о Белом движении.

Предметом исследования стал разноликий «образ врага», отождествляемый с Белым движением. Образы культурной памяти, как правило, создаются в среде интеллектуальной элиты. В данном случае мы отталкивались от идеи о совместных усилиях политиков, историков, деятелей художественной литературы и искусства по конструированию и трансляции образов прошлого. Без работы историков писатели и художники не могут обойтись. Им требуется исторический материал, чтобы на его основе создавать те или иные образы прошлого. Но и художественные образы в свою очередь также влияют на историков, определяя проблематику исследований, их предпочтения в трактовках и реконструкции прошлого. Существенное внимание в работе уделено ретроспективному «образу врага», отождествляемому с Белым движением, то есть представлениям о нем в период после окончания гражданской войны и до распада СССР.

Целью настоящей работы является реконструкция образов Белого движения, изучение их эволюции и функций в разные периоды развития советского общества. В связи с поставленной целью предполагается решение следующих **задач**:

- выявить основной массив культурных текстов (включая изображения), где представлены подобные образы;
- обозначить каналы их трансляции в обществе;
- рассмотреть основные типажи вражеских образов «белогвардейщины»;
- определить место таких образов среди других противников советской власти периода гражданской войны;
- проанализировать коннотации в оценках и трактовках «образа врага», отождествляемого с Белым движением, в разные периоды советской истории;
- выяснить мотивы и основания для создания подобных образов;
- определить влияние власти и общества на конструирование «образа врага»;
- показать функциональность созданных и транслируемых образов;
- дать характеристику восприятия и реакции советских людей на такие образы;
- установить причины актуализации истории Белого движения в советском социуме в разные периоды развития;
- продемонстрировать, какие концепты коллективной идентичности советских людей запечатлены в различных формах воспоминаний об участниках Белого движения как противников большевиков в гражданской войне.

При этом стоит заметить, что в поле нашего зрения, конечно, не могли не оказаться образы как противников, так и союзников белогвардейцев. Реконструкция истории памяти о Белом движении, без сомнения, требует обращения и к противоположным, и к близким образам. Такой путь в исследовании, на наш взгляд, более плодотворен и позволяет сделать работу репрезентативной.

Хронологические рамки исследования определены периодом существования советской государственности, то есть с 1917 г. по 1991 г. Советское государство в рамках данной работы рассматривается с точки зрения цивилизационного подхода. Данное утверждение предполагает, что главными чертами любой общественной системы являются ее культурные ориентиры, определяемые господствующей идеологией.

Территориальные границы исследования охватывают пространство Советской России, а затем, с 1922 г. – Союза Советских Социалистических Республик. Стоит отметить, что в работе рассматривается преимущественно русская культурная память о Белом движении, хотя советская страна, как впрочем, и предшествующая ей Российская империя, изначально существовала в качестве многонационального сообщества. Чем же объясняется такой подход? Во-первых, национальные особенности представлений о гражданской войне в СССР – это тема отдельного исследования. Во-вторых, несмотря на провозглашенное «право наций на самоопределение», Советский Союз являлся, как известно, государством со значительной властью центра как в политике, так и в идеологии и культуре.

Трансляционные каналы культурной памяти, в том числе и в национальных регионах, находились под жестким контролем Москвы. Таким образом, изучение русской культурной памяти дает полновесное знание того, как большинство советских людей представляли события прошлого, в данном случае образы революции и гражданской войны.

Методология диссертации основана на междисциплинарном подходе. В ней использовались теоретические разработки в области философии истории, исторической антропологии, социологии, литературоведения и искусствоведения. Методологические основы работы связаны с культурной историей как одним из направлений в современной историографии. Ключевые принципы исследования нашли отражение в ряде оригинальных концепций и теорий зарубежных, а также отечественных ученых и мыслителей. Определяющими для диссертации стали категории «коллективная память», «культурная память», «миф», «образ врага», «коллективная идентичность».

Наиболее значимыми для нас стали труды М. Хальбвакса, П. Бергера и Т. Лукмана, Э. Хобсбаума, Я. Ассмана, Ю.М. Лотмана, П. Рикёра, П. Нора, Х. Уайта, А. Лангеноля, Б.А. Успенского, Ф.Р. Анкерсмита, Х. Гюнтера¹. На основе концепций и теорий этих ученых были определены методологические положения исследования, которые в сжатом виде можно сформулировать следующим образом. Коллективная память является одним из главных компонентов в развитии культуры. Без нее невозможно представить себе существование социального сообщества. Следует отметить несколько важных признаков коллективных воспоминаний. Во-первых, память ассоциируется с определенным временем и пространством. Время – это значимые даты, а пространство – памятные места. Во-вторых, коллективная память тесно связана с ее носителями и направлена на обеспечение их идентичности. Третий признак коллективной памяти заключается в том, что она постоянно меняется, пересматривается в связи с актуальными задачами настоящего.

Таким образом, коллективная память – это совокупность действий, предпринимаемых коллективом или социумом, по символической реконструкции прошлого в настоящем. Коллективная память представляет собой социально конструируемый феномен. Можно отметить некоторые особенности коллективной

¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; Ассман Я. Культурная память. Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 2000. P. 1–14; Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999; Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004; Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимех Ж., Винок М. Франция – память. СПб., 1999. С. 17–50; White H. Catastrophe, Communal Memory and Mythic Discourse: The Uses of Myth in the Reconstruction of Society // Myth and Memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and Beyond / ed. by B. Strath. Brussels, 2000. P. 49–74; Langenohl A. Erinnerung und Modernisierung: die öffentliche Rekonstruktion politischer Kollektivität am Beispiel des neuen Russland. Göttingen, 2002; Успенский Б.А. История и семиотика. (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Успенский Б.А. Избран. труды: в 2-х т. М., 1996. Т. 1. С. 9–26; Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М., 2007; Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 743–784.

памяти. Прежде всего, она эмоциональна в оценках прошлого, которые во многом прямолинейны и разделяют исторические явления на «хорошие» и «плохие». Кроме того, память избирательна. Она делает акценты на отдельные исторические события, игнорируя другие. Память всегда актуализирована, она обращает внимание только на такие явления, которые значимы для современности. Для нее характерна и персонификация, когда через оценку деятельности конкретных лиц формируются впечатления, суждения, мнения о том, что представляет особую ценность для сознания и поведения человека в данный период времени. Еще одной чертой памяти является гиперболизация, то есть преувеличение отдельных моментов исторического прошлого.

Коллективная память выполняет следующие функции. Во-первых, она консолидирует общество и соединяет поколения, то есть три социальных мира: предшественников, современников и преемников. Другой важной функцией памяти является формирование «коллективной идентичности». Под ней подразумевается создаваемый той или иной группой в процессе «воображения» образ самой себя, с которым идентифицируют себя ее члены. Поскольку коллективная идентичность всегда основана на индивидуальном осознании социальной принадлежности, это понятие обозначает представления отдельных людей о собственном сходстве или родстве по отношению к другим. Формирование коллективной идентичности зачастую происходит в результате «травмы», связанной с потерей сообществом прежней идентичности в условиях кризисных явлений. Поэтому обращение к прошлому становится необходимым условием для восстановления идентичности. Коллективная память также помогает людям ориентироваться в социальном пространстве. Она, конечно, служит основой для легитимации существующего порядка или, наоборот, противостоит ему

Важную роль в трансляции памяти, на наш взгляд, играет некий предлог в виде факта или явления, которые превращаются в катализаторы воспоминаний. Таким «предлогом» может служить круглая дата, связанная с годовщиной некоего события, или действия, происходящие в настоящем, ставшие основой для воспоминания об однотипных явлениях в прошлом.

Коллективная память всегда наполнена мифами, то есть повествованиями о прошлом, призванными объяснить и утвердить легитимность настоящего. В мифах используются как достоверные, так и легендарные сведения. С точки зрения содержания, в мифах главную роль играет их функциональность, а не правда истории. Мифы выполняют не только объяснительную, но и регулятивную функцию в обществе. Они создаются на основе архетипов, как изначальных образов коллективного бессознательного, всегда присутствовавших в мифологии. Как правило, мифы выполняют следующие основные задачи. Во-первых, помогают самоидентификации общества. Во-вторых, стремятся спрогнозировать предпочтительную модель будущего. И, в-третьих, являются средством борьбы общественных и политических групп с внутренними и внешними врагами.

Одним из ключевых образов коллективной памяти, несомненно, является «образ врага», то есть представление одного субъекта (индивидуального или коллективного) о другом как носителе угрозы существованию общества. Главная за-

дача конструирования и трансляции «образа врага» состоит в консолидации общества в условиях новых вызовов времени. Данный образ, с точки зрения аналитической психологии К.Г. Юнга, связан с архетипом тени. Характеристика врага, как правило, представляет собой проекцию собственных страхов, недостатков и комплексов. Если данный образ со временем утрачивает свою убедительность и силу, то идеология, спланирующая общество, перестает эффективно действовать. Поэтому прежняя государственная и общественная система вступает в период кризиса и упадка.

В структуре коллективной памяти, согласно теории Я. Ассмана, следует выделять коммуникативную и культурную память. Коммуникативная память транслируется среди непосредственных участников и свидетелей событий прошлого, она неформальна, проявляется, как правило, в непосредственном общении, в устных воспоминаниях. Культурная память формализована, она конструируется и транслируется специальными общественными институтами посредством политики, науки, литературы и искусства. Именно этот тип коллективной памяти исследуется в диссертации.

Подобно любому научному труду, данная работа выстраивалась на двух уровнях познания, эмпирическом и теоретическом. Для реконструкции образов культурной памяти использовались как общенаучные, так и специальные методы гуманитарного познания. К первой группе методов относятся наблюдение, описание, измерение, индукция и дедукция, обобщение, анализ и синтез, аналогия. Среди специальных методов исторического исследования необходимо выделить, прежде всего, генетический, сравнительный (компаративный), типологический и системный. Количественный метод, в качестве контент-анализа, также нашел свое применение в диссертации. В работе использовался литературоведческий анализ художественных текстов. Для проблематики исследования очень важным было изучение и контекста литературного произведения, то есть всей совокупности явлений, связанных с текстом сочинения, но внеположенных ему. Применялся и искусствоведческий анализ, требующий разносторонней характеристики того или иного феномена культуры. Существенную роль сыграл иконографический анализ, призванный проанализировать запечатленные образы, исторические аллегории, тематику произведений. Дальнейший иконологический анализ предполагал исследование мотивов того или иного художника, духа времени, повлиявшего на его творчество. Таковы основные подходы и методы, получившие свое применение в диссертации. Конечно, ни один из них не является универсальным и абсолютным. Для успешного решения исследовательских задач следует использовать их комплексно и в сочетании.

Научная новизна работы состоит в том, она является первым комплексным и обобщающим исследованием, анализирующим представления и образы культурной памяти советского общества о Белом движении. В диссертации используются новые подходы, характеристика которых была представлена выше. Для осуществления поставленных задач широко привлекались разнообразные виды исторических источников, в том числе и художественные тексты, произведения изобразительного искусства, игровые фильмы.

На основе проведенной работы можно сделать вывод о том, что не только экономические и политические причины, способствующие распаду СССР, играли важную роль. Большое значение имели и культурно-исторические факторы, связанные с коллективной памятью общества о Белом движении как течении, которое боролось за другой, альтернативный советскому, вариант развития страны.

Данное исследование доказывает тезис о том, что коллективная память общества является важным компонентом его настоящего развития. При анализе тех или иных событий и явлений прошлого необходимо учитывать влияние образов истории на политическую элиту и на общество в целом.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы диссертации можно использовать как при чтении спецкурсов по истории советского общества и Белого движения, по истории коллективной памяти, так и при создании обобщающих трудов по отечественной истории. Выводы исследования могут быть учтены при реализации политики памяти о гражданской войне в современном российском обществе. Заслуживает внимания и культурный потенциал, созданный советской интеллектуальной элитой. Крупные достижения неконъюнктурного характера в области отечественной исторической науки, литературы и искусства не должны быть забыты. Они призваны стать интеллектуальной и творческой основой для дальнейшего развития нашей страны.

Степень научной изученности темы нам представляется следующим образом. Исследовательская проблема, связанная с историей Белого движения и культурной памятью о нем в советском обществе, предполагает обращение к нескольким течениям в историографии. В данном плане необходимо выделить отечественную (советскую и современную), русскую эмигрантскую и зарубежную (западную) историографии.

Отечественная историография. Советская историография в условиях сильного влияния политической конъюнктуры опиралась исключительно на марксистский классовый подход в изучении Белого движения, которое стало отождествляться исключительно с «контрреволюцией». Главными ориентирами в трактовках и оценках прошлого были выступления и сочинения партийных вождей. На первом этапе развития советской историографии, который продолжался до начала 1930-х гг., историки уделяли довольно пристальное внимание изучению Белого движения. Значительный интерес советские исследователи проявляли к политике белых правительств и их вооруженной борьбе с Красной армией. Рассматривались как региональные контрреволюционные силы², так и Белое движение в целом³. Публиковались в большом количестве документы и воспоминания участников антибольшевистской борьбы. Среди наиболее существенных достижений историографии 1920-х гг. следует отметить характеристику идеологии,

² См. напр.: *Кин Д.* Деникинщина. Л., 1926; *Симонов Б.М.* Разгром деникинщины. М. – Л., 1928; *Таняев А.* Колчаковщина на Урале (1918–1919). Свердловск, 1930 и др.

³ См. напр.: *Владимирова В.* Контрреволюция в 1917 г. (корниловщина). М., 1924; *Она же.* Год службы социалистов капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. М. – Л., 1927; *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция: в 2-х т. М. – Л., 1925. Т. 1–2; *Анишев А.И.* Очерки истории гражданской войны. Л., 1925 и др.

партийного состава и программ белых правительств, вооруженных формирований и их боевых действий, политические шаги в различных областях. Некоторые выводы и положения советских историков того периода до сих пор представляют научный интерес.

В начале 1930-х гг. наступает новый этап в развитии советской историографии. Ситуация изменилась таким образом, что Белому движению в условиях господства сталинской концепции гражданской войны о «трех походах Антанты» не отводилось самостоятельной роли как политической силе в гражданской войне. Поэтому «белогвардейщина» практически не изучалась, а если и рассматривалась, то как марионеточное явление, управляемое из-за рубежа. За контрреволюцией не признавалось право быть исконно российским явлением.

Новое обращение к истории Белого движения произошло во второй половине 1950-х гг. в условиях политической «оттепели» и продолжалось в период так называемого «застоя» до середины 1980-х гг. Белое движение вновь получило право на исследование. Труды ряда советских историков о контрреволюции стали более информативными. Для их создания привлекалось значительное количество архивных материалов, сведения из «белых» мемуаров и других новых источников. Но подходы, исследовательские практики, оценки и трактовки гражданской войны практически не менялись⁴.

Достижением историографии данного периода является более глубокий анализ Белого движения, а именно, его партийного и социального состава, политики в разных областях, военных поражений, причин внутренней непрочности этого политического лагеря.

Современный этап в развитии российской историографии о Белом движении начался в связи с политическими изменениями в СССР под влиянием политики «перестройки». С начала 1990-х гг. в исследованиях по истории антибольшевистского движения наблюдался настоящий бум. На сегодняшний день в современной российской историографии оформилось несколько направлений. Прежде всего, историки занялись изучением политических партий антибольшевистского лагеря времен гражданской войны. Появилось много работ, а также публикаций документов и материалов по данной тематике. Другое направление оформилось вокруг изучения деятельности антибольшевистских правительств в разных сферах: внешнеполитической, военной, идеологической, правовой, экономической, социальной, национальной. Очень широко представлена и военная история Белого движения. В рамках данного направления преимущественно исследуются состав белых армий, их боевые действия, проблемы связанные с вооруженной борьбой в период гражданской войны. Особенно много работ появилось об офицер-

⁴ См. напр.: *Спирин Л.М.* Разгром армий Колчака. М., 1957; *Алексащенко А.П.* Крах деникинщины. М., 1966; *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970; *Гусев К.В.* История «демократической контрреволюции» в России. М., 1973; *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; *Комнин В.В.* Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982; *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1981; *Зимина В.Д.* Российская монархическая контрреволюция и германская интервенция в годы гражданской войны (на материалах северо-запада России): автореферат дис. ... канд. ист. наук. Калинин, 1983 и др.

ском корпусе, отдельных военных соединениях и структурах. Большой интерес российские исследователи проявили к биографическому жанру. Помимо книг и статей, посвященных отдельным военным и политикам, в свет вышло несколько биографических справочников.

Участие различных социальных групп и слоев в Белом движении также стало предметом внимания историков. Защищены диссертации и опубликован ряд работ об офицерстве и социальном составе белых армий. Появилось немало исследований о казачестве. Как известно, большая часть казаков приняла участие в гражданской войне на стороне белых. Поэтому ряд современных историков в своих работах попытались реконструировать этот период в истории казачества России. Несколько трудов посвящено участию рабочих в Белом движении, в частности ижевцев и воткинцев, поднявших летом 1918 г. восстание против советской власти, а затем перешедших в ряды армии А.В. Колчака.

В последние годы вышли обобщающие труды, авторы которых изучали Белое движение, как на региональном, так и на общероссийском уровне. Работы по историографии Белого движения образуют еще одно направление современных исследований. Наибольшее значение в данном плане имеют книги и статьи А.И. Ушакова, Г.А. Бордюгова, В.И. Голдина, В.Ж. Цветкова и некоторых других историков⁵. Авторы историографических трудов, как правило, выделяли этапы и давали характеристику особенностей развития научного дискурса о Белом движении. Они обозначили ряд дискуссионных проблем в истории антибольшевистской борьбы.

Судя по трактовкам и оценкам Белого движения, современных российских историков можно условно разделить на две группы. Одни из них занимаются апологией, отстаивая позицию полной реабилитации и героизации участников борьбы с большевиками. Эти историки полагают, что если бы победили белые, их правительство смогло бы обеспечить наилучший вариант развития России после 1917 г. и успешно провести модернизацию государства и общества, либо на монархической или на республиканской политической основе. Данная точка зрения

⁵ См.: *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998; *Тормозов В. Т.* Белое движение в гражданской войне. Историография проблемы (1918–1998): автореферат дис. ... д-ра. ист. наук. М., 1998; *Голдин В. И.* Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е гг.). Архангельск, 2000; *Рыбников В.В., Казаков В.Г., Инполитов Г.М.* «Белое дело» в литературе и источниках. Историографическое исследование проблемы белого движения в гражданской войне в России (1917–1922 гг.) М., 2001; *Немчинова Т.А.* Белое движение в Сибири: современная российская историография: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2002; *Цветков В. Ж.* Новые источники и историографические подходы к изучению Белого движения в России // Гражданская война на востоке России. Материалы науч. конф. М., 2003. С. 10–22; *Ожиганов А.Л.* Отечественная историография колчаковского режима, ноябрь 1918 – январь 1920 г.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003; *Ушаков А.И.* Современная российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской войны в России. М., 2004; *Он же.* Антибольшевистское движение в годы гражданской войны в России. Отечественная историография: автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2004; *Гришанин П.И., Зимина В.Д.* «Падения» и «взлеты» Белого движения в отечественной историографии. Пятигорск, 2008; *Гришанин П.И.* Современная отечественная историография Белого движения: традиции и новации. Пятигорск, 2009 и др.

наглядно отражена в работах московского историка С.В. Волкова об офицерском корпусе белых армий и в его заявлениях в прессе⁶.

Другие историки, наоборот, настроены критически. Они больше обращают внимание на недостатки политики белых правительств, ошибки их руководителей. Белое движение в трудах этих историков одна из политических сил, вступивших в противоборство с большевиками за власть. Если бы победили белые, полагают сторонники данного направления, то вряд ли положение России кардинально улучшилось бы в ближайшем будущем. Белые столкнулись бы с теми же проблемами, что и большевики после гражданской войны и как бы они действовали: опираясь на демократические принципы или на диктатуру, сказать трудно. Скорее всего, они в условиях модернизации также прибегли бы к жестким методам. Подобная точка зрения присутствует, например, в работах историков В.Д. Зиминой, Г.А. Трукана⁷ и ряда других исследователей.

Такова в общих чертах характеристика развития отечественной историографии Белого движения. Как видно из обзора, в большинстве своем советские и современные российские исследователи изучали политические (в том числе и военные), социальные, биографические аспекты. Проблема культурных образов Белого движения в коллективной памяти до сих пор не поднималась. Поэтому данная диссертация призвана восполнить пробел в историографии.

Представления о Белом движении рассматриваются нами с позиции «образа врага», поэтому близкими к данному исследованию являются труды о создании и функционировании подобных идеологических конструктов. Такие работы в большинстве своем принадлежат зарубежной и отечественной историографии современного периода. Среди конкретно-исторических исследований отечественных ученых, посвященных конструированию «образа врага» в советском обществе, можно выделить кандидатскую диссертацию Е.А. Сазонова⁸ и монографию Е.С. Сенявской⁹.

В диссертации затронуты также проблемы, связанные с политикой советских властей в отношении участников Белого движения. Имеется немного трудов, в которых рассматриваются подобные и близкие к данной теме вопросы. Советские авторы, как правило, подчеркивали справедливый характер такой политики в русле официальной идеологии¹⁰. Современные российские исследователи, наобо-

⁶ См.: Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001; *Он же*. Отношение к белому движению // Наша страна (Буэнос-Айрес). – 1992. – 27 июня.

⁷ См.: Зиминая В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. М., 2006; Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000 и др.

⁸ Сазонов, Е.А. Образ «врага народа» в партийной и государственной политике большевиков (июль 1917 г. – июль 1918 г.): автореферат дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.

⁹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

¹⁰ См.: Павловский П.И. Анненковщина. По материалам судебного процесса в Семипалатинске. 25.VII – 12.VIII. 1927г. М.– Л., 1928; Шалагинов В.К. Конец атамана Анненкова. Новосибирск, 1969; Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М., 1979 и др.

рот, делают акцент на репрессивных, зачастую необоснованных методах в отношении «бывших»¹¹.

Предметом нашего исследования являются образы коллективной памяти. Проблемы, связанные с историей памяти, стали объектом изучения ученых относительно недавно, в последние десятилетия XX века. Пожалуй, первым советским исследователем, обозначившим проблему памяти в культуре, был литературовед и культуролог Ю.М. Лотман, основоположник Тартуско-московской семиотической школы. В современной России активное изучение памяти началось специалистами по зарубежной истории. При Институте всеобщей истории Российской Академии наук был сформирован исследовательский центр под руководством профессора Л.П. Репиной.

На сегодняшний день в отечественной историографии имеется лишь несколько работ, в которых анализируются образы памяти советского общества о революции и гражданской войне. К подобному роду исследований относятся труды И.В. Нарского. Он изучил мифы, связанные с революционными событиями, их функциональность как базовых идеологических фундаментов советского общества на примере Урала. По его утверждению, государство и общество хотя и имели разные установки, но в равной мере участвовали в процессе создания подобных мифов. Причем для низов мифологизация «великих событий» являлась определенной стратегией выживания в «идеологической» сфере¹².

Если говорить об исследованиях, посвященных образам Белого движения в художественной литературе с точки зрения коллективной памяти, то подобных работ практически нет. Единственным исключением на этом фоне является статья С. Шешуновой. Она проанализировала трактовки образа А.В. Колчака в советской, эмигрантской и современной художественной литературе¹³.

Ряд современных российских исследователей изучают представления о прошлом, воплощенные в советском кинематографе, в том числе и образы контрреволюции¹⁴.

¹¹ См.: Дроков С.В. Суд на хуторе Атаманском // Белая армия. Белое дело. – 2000. – № 7. – С. 64–80; Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997; Сувениров О.Ф. Трагедия РККА. 1937–1938 гг. М., 1998; Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931 гг. М., 2000; Смирнова Т.М. «Бывшие». Штрихи к социальной политике советской власти // Отечественная история. – 2000. – № 2. – С. 37–48; Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001; Генина Е.С. Преследование «бывших белых» в Кузбассе в 1930-е гг. как реализация сталинской идеологии репрессий // Белая гвардия. – 2001. – № 5. – С. 61–66; Печенкин А.А. Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: репрессии и обновление. М., 2003; Минаков С.Т. Военная элита 20–30-х годов XX в. М., 2004 и др.

¹² Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 386–442. *Он же*. Конструирование мифа о гражданской войне в ранней советской России (на примере Урала в 1917–1922 гг.) // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. М., 2005. С. 79–89.

¹³ Шешунова С. Образ адмирала Колчака в художественной литературе // Посев. – 2004. – № 9. – С. 28–31; № 11. – С. 45–48.

¹⁴ Малькова Л. Лицо врага // Кино: политика и люди (30-е годы). М., 1995. С. 81–84; Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х гг. // Отечественная история. – 2003. – № 6. – С. 31–46; Колесникова А. Образ врага в советском кинематографе // Посев. – 2006. – № 9. – С. 24–30; Чернова Н.В. Полководческий образ Сталина периода гражданской войны в трактовке советского художественного кинематографа второй половины 1930-х – начала 1950-х гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Магнитогорск, 2007; Волков Е.В. Образ каппелевцев в фильме братьев Васильевых «Чапаев» // Каппель

Изучение коллективной памяти, отраженной в произведениях литературы и искусства, требует воссоздания и политического фона, на котором конструировались и транслировались образы прошлого. Поэтому для написания диссертации были привлечены работы о политике советского государства в области культуры, в отношении отдельных деятелей литературы и искусства¹⁵. Данные исследования позволили воспроизвести то культурное и политическое поле, на котором развилась история памяти о Белом движении в советском обществе.

Одной из ключевых тем *русской эмигрантской историографии*, несомненно, являлась история Белого движения. Первые труды эмигрантов о гражданской войне появились уже незадолго до ее окончания. Впоследствии подобных работ вплоть до конца 1930-х гг. становилось все больше и больше. И это вполне понятно, так как такие сочинения напрямую связаны с коллективной памятью и идентичностью русских, оказавшихся на чужбине.

Эмигрантская историография Белого движения имела свои специфические черты. Во-первых, необходимо заметить, что практически все труды выходили хотя и за рубежом, но на русском языке. Во-вторых, строго научных работ русских эмигрантов, среди которых оказалось много военных и непосредственных участников гражданской войны, насчитывалось не так уж много.

Из наиболее известных профессиональных историков, обратившихся к проблематике истории Белого движения можно назвать С.П. Мельгунова и П.Н. Милюкова. Они совершенно по-разному трактовали и оценивали многие аспекты Белой борьбы. Эти двое ученых олицетворяли собой два разных подхода к истории антибольшевистского движения в среде русских эмигрантов. Приверженцы первого течения, среди которых был и Мельгунов, в целом положительно оценивали деятельность вождей и участников антибольшевистского движения, считая их героями и жертвами революционной смуты. Авторы подобных сочинений являлись апологетами Белого движения¹⁶. Сторонники другого направления, среди них выделялся Милюков, давали более критические оценки, подчеркивая значительные недостатки в лагере белых. В итоге, по их мнению, победа большевиков оказалась закономерной¹⁷.

В-третьих, огромная масса сочинений, в которых затрагивается история антибольшевистской борьбы, представляет собой либо мемуары, либо мемуарно-исследовательские труды, для создания которых, помимо личных воспоминаний,

и каппелевцы. Сб. / под ред. В.Ж. Цветкова. М., 2003. С. 529–544; Тарасов А.В. Кинематограф М.А. Булгакова. К проблеме кинематографичности художественного мышления писателя: автореферат дис. ... канд. культур. Ярославль, 2006; Кондаков Ю.Е. Гражданская война на экране. Белое движение (эпоха немого кино) // Клио. – 2007. – № 4. – С. 85–91 и др.

¹⁵ См.: Марьямов Г.Б. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М., 1992; Бабиченко Д.Л. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х гг. под политическим контролем ЦК. М., 1994; Максименков Л. «Сумбур вместо музыки». Сталинская культурная революция. 1936–1938 гг. М., 1997; Коржихина Т. П. Извольте быть благонадежны! Об отношении власти к обществу. М., 1997; Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. М., 1998; Жидков В.С. Театр и власть. От свободы к «осознанной необходимости». 1917–1927. М., 2003; Мазаев А.И. Искусство и большевизм (1920–1930-е гг.). М., 2007 и др.

¹⁶ См. напр.: Мельгунов С.П. Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. Париж, 1929; Он же. Трагедия адмирала Колчака: в 3-х кн. Белград, 1930–1931. Кн. 1–3.

¹⁷ См. напр.: Милюков П.Н. Россия на переломе: в 2-х т. Париж, 1927. Т. 2.

привлекались и другие исторические источники¹⁸. Отличительными чертами эмигрантской литературы являются ее преимущественно описательный характер и, конечно, чрезмерная политизированность в трактовках и оценках.

Пик выхода в свет многочисленных работ русских эмигрантов о гражданской войне пришелся на 1920–1930-е гг., в последующем трудов по данной тематике появлялось все меньше и меньше.

Оценки и трактовки русских эмигрантских авторов очень сильно повлияли и на *зарубежную историографию*, представители которой в массе своей придерживались антибольшевистских взглядов на гражданскую войну в России.

Первые работы зарубежных авторов, преимущественно из Великобритании, Франции, США и Германии, о гражданской войне в России появились во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. Однако немногие из них обращали свой интерес к истории Белого движения. Принято считать, что в западной историографии относительно истории революции и гражданской войны в России сформировалось два течения: «тоталитаристы» и «ревизионисты». Первые, находящиеся под сильным влиянием трактовок и оценок, сформулированных в среде русской эмиграции, полагали, что Белое движение являлось демократической альтернативой тоталитарному большевистскому режиму. Наиболее известным представителем данного направления считается современный американский историк Р. Пайпс, отстаивавший в своих работах подобную точку зрения¹⁹.

«Ревизионисты», ряды которых постепенно увеличивались, особенно в условиях периодов «потепления» времен «холодной войны» между Востоком и Западом, к настоящему времени составляют большинство среди зарубежных исследователей. Историки данного направления призывают изучать гражданскую войну в России не «сверху», а «снизу», то есть механизмы принятия решений, повседневную жизнь, устроения народа, способы выживания в условиях смуты и т.д. Они считают, что победа большевиков – это результат предшествующего развития страны и массовых движений в дореволюционной России. Большевиков поддержал народ, или, по крайней мере, не так негативно относился к ним, нежели к их врагам. Среди историков данного направления, изучавших Белое движение, можно назвать П. Кенеза (США), Д. Смела (Великобритания), Н. Перейру (Канада), Н. Катцера (Германия)²⁰ и др.

Первые новаторские работы по истории памяти появились за рубежом, во Франции, Великобритании и США. В настоящее время в этой области наблюдается исследовательский бум, который выразился в появлении многочисленных как

¹⁸ См. напр.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: в 5-ти т. Париж, 1921. Т. 1 (Вып.1 и 2) – 2; Берлин, 1923–1926. Т. 3–5; *Петров П.П.* В рядах белых от Волги до Тихого океана. Рига, 1930; *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. Шанхай, 1937; *Масянов Л.* Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк, 1963 и др.

¹⁹ См.: *Пайпс Р.* Русская революция: в 3-х т. М., 2005. Т. 1–3.

²⁰ См.: *Kenez P.* Civil War in South Russia. 1918: The First Year of the Volunteer Army. Berkeley, 1971; *Smele J.* Civil War in Siberia. The AntiBolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996; *Перейра Н.* Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996; *Katzer N.* Die Weisse Bewegung in Russland: Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatik im Bürgerkrieg. Köln–Weimar–Wien, 1999.

теоретических, так и конкретно-исторических работ за рубежом и в современной России.

Применительно к проблематике нашей диссертации актуальными являются несколько трудов иностранных авторов. Интересные выводы об образах гражданской войны содержатся в книге К. Мерридейл (ФРГ) «Война, смерть и память в Советской России». По ее мнению, гражданская война стала основанием для создания многих героических образов в советском обществе. Первоначально, в 1920-е гг., образы врагов представлялись неоднозначно. Но с наступлением «сталинской индустриализации» враг стал изображаться более карикатурно. Его связывали с образами преступников, с нечеловеческими обликами пауков, крыс, свиней, собак, гиен и других животных. Официальные вербальные и визуальные образы врагов были подвержены сильной цензуре²¹.

Историк Ф. Корни (США) в своей монографии затронул проблему о том, каким образом конструировалась память об Октябрьской революции в советском обществе 1920-х гг., как фундаментальном нарративе большевистской власти, утверждающем ее легитимность. Под влиянием политической конъюнктуры интерпретация Октября менялась: в 1920-е гг. была одна история, при И.В. Сталине – другая, при Н.С. Хрущеве – третья, при М.С. Горбачеве – четвертая. Каждый партийный лидер пытался приспособить историю Октября для своих целей. Обращаясь к начальному этапу советской государственности, Корни выделил два периода воздействия властей на интерпретацию Большевистской революции. Первый этап он обозначил как «театрализацию Октября» (1917–1920), когда доминировали представления и демонстрации. На втором этапе, с начала 1920-х гг., происходит институализация истории Октября. Учреждение Истпарта как организации по сбору и обработке исторических материалов, связанных с революцией, стало знаковым событием и свидетельствовало о новом этапе в интерпретации революции. Данное обстоятельство отразилось и в языке большевиков: постепенно слово «переворот» в трактовке истории Октября меняется на термин «революция»²².

Плодотворно зарубежные исследователи изучают и феномен «образа врага», также тесно связанный с коллективной памятью. В этом плане можно выделить исследование профессора литературы из США Д. Кэссидей «Враг на суде. Ранние советские суды на сцене и экране». Она продемонстрировала, каким образом власть в советской стране в 1920–1930-е гг. с помощью театра и кино создавала атмосферу суда в обществе. При этом действия властей изображались как справедливое народное правосудие²³.

Ряд западных исследователей активно изучали и изучают советский кинематограф, в том числе образы экранных героев и антигероев периода революции и гражданской войны. Так, например, британский историк Р. Тейлор в 1979 г. опубликовал монографию, посвященную сравнительному анализу игровых фильмов в Советском Союзе и нацистской Германии, в которых доминировала пропаганди-

²¹ Merridale C. War, death, and remembrance in Soviet Russia // War and Remembrance in the Twentieth Century / ed. by J. Winter and E. Sivan. Cambridge, 1999. P. 61–83.

²² Corney F. C. Telling October. Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Itaka – London, 2004.

²³ См.: Cassiday J. The enemy of trial. Early Soviet Courts on Stage and Screen. DeKalb, 2000.

стская составляющая. Отдельный параграф его работы посвящен представляющему интерес для данной диссертации фильму С.М. Эйзенштейна «Октябрь». Тейлор, анализируя реакцию на картину со стороны зрителей и ряда деятелей искусства СССР, пришел к выводу, что попытка Эйзенштейна посредством языка символов и аллегорий популяризировать миф об Октябре закончилась неудачей²⁴.

Зарубежные исследователи проявили большой интерес и к политике советского государства в области культуры. Многие из них отталкивались от идеи о том, что в СССР утвердился тоталитарный режим, сформировавший и свою особую культуру, другие, неугодные властям культурные ориентиры находились под жестким контролем. Однако при этом в советском обществе продолжала существовать и неофициальная культура²⁵.

Исследователь Н. Петро (США) в своей монографии, посвященной советской политической культуре, сделал вывод о том, что образы Белого движения оказались в СССР очень устойчивыми. Они продолжали существовать в неформальном культурном пространстве и определенным образом повлияли на трансформацию советской политической системы в сторону демократии²⁶.

Если говорить о политике советских властей, так или иначе связанной с коллективной памятью о Белом движении, то среди трудов западных исследователей стоит выделить статью американского историка П. Холквиста. Его работа посвящена возрождению казачества в постсоветской России. Однако Холквист затронул также и аспекты, характеризующие политику властей в предшествующие периоды советской государственности, при И.В. Сталине и Л.И. Брежнев. Он пришел к выводу, что участие казаков в Белом движении постоянно замалчивалось в официальных каналах информации. С середины 1930-х гг. произошли изменения во взглядах властей на казаков в сторону более лояльного отношения к ним. Но история казачества, особенно периода гражданской войны, находилась в тисках жесткой цензуры. В процессе возрождения казачьих объединений после распада СССР не последнюю роль сыграли два фактора, во-первых, участие многих казаков в гражданской войне на стороне антибольшевистских сил, а во-вторых, политика расказачивания, проводившаяся советскими властями²⁷.

Таким образом, труды отечественных, эмигрантских и зарубежных авторов, характеристика и анализ которых представлены выше, содержат ряд аспектов, рассматриваемых в диссертации. Однако проблема комплексного изучения «образа врага», отождествляемого с Белым движением, созданного и транслируемого в советском обществе, никогда не поднималась историками. Поэтому диссертация

²⁴ Taylor R. Film propaganda. Soviet Russia and Nazi Germany. New York, 1979. P. 92–102.

²⁵ Голомиток И.Н. Тоталитарное искусство. М., 1994; Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежнев. М., 1999; Кречмар Д. Политика и культура при Брежнев, Андропове и Черненко. 1970–1985. М., 1997; Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине, 1917–1932. М., 1998; Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М., 2007 и др.

²⁶ Petro N. The rebirth of Russian Democracy: an interpretation of political culture. Cambridge – London, 1995. P. 112–116.

²⁷ Holquist P. From Estate to Ethnos: The Changing Nature of Cossack Identity in the Twentieth Century // Russia at a Crossroads. History, Memory and Political Practice / ed. by N. Schleifman. London – Portland, 1998. P. 89–123.

представляет собой первую попытку в данном направлении исследований о коллективной памяти.

Источниковая база исследования включает разнообразные продукты культурной деятельности людей прошлого, свидетельствующие о нем. Все привлеченные источники можно разделить на следующие типы. Прежде всего, это – вербальные, то есть текстовые источники (законодательные, делопроизводственные, научные, мемуарные, публицистические, художественные) и устные воспоминания, затем можно выделить визуальные источники (иконографические) и визуально-вербальные (кинофильмы). Все они рассматриваются как дискурсы, являющиеся частями советской истории памяти о Белом движении. Под дискурсом подразумевается корпус текстов, изображений и высказываний, связанный определенной содержательной согласованностью.

Основной массив письменных источников был опубликован либо в советский период, либо после распада СССР. Другая часть источников выявлена в 6 фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), 25 фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), 8 фондах Российского государственного военного архива (РГВА) и некоторых региональных архивах Челябинска и Иркутска (Российская Федерация), Кустаная (Республика Казахстан). Ряд материалов использован из 2 фондов Архива Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет, США).

Первый тип источников очень многочисленный и включает несколько групп текстов. Во-первых, это *законодательные акты*, дающие представление о политике советских властей в отношении участников Белого движения. Особый интерес представляют тексты советских конституций 1918 г. и 1936 г., закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» (18 октября 1991 г.)²⁸.

Другой комплекс законодательных материалов охватывает документы, свидетельствующие о политике советского руководства в области литературы и искусства. Прежде всего, это различные партийные и правительственные постановления, регулирующие деятельность художественной интеллигенции²⁹.

Следующий вид источников – *делопроизводственная документация*, в частности, приказы, распоряжения, инструкции различных учреждений. Очень значимы в данном плане приказы Реввоенсовета, касавшиеся участников Белого движения, и стенограммы судебных процессов по их делам. Подобные документы

²⁸ См.: Конституция РСФСР. М., 1918.; Конституция (Основной Закон) СССР. М., 1936; О реабилитации жертв политических репрессий // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – 31 октября. – № 44. – Ст. 1428–1429.

²⁹ См.: Партия и кино. Сб. док. М., 1939; О партийной и советской печати. Сб. док. М., 1954; КПСС о культуре, просвещении и науке. Сб. док. М., 1963; Самое важное из всех искусств. Сб. мат. и док. М., 1973; КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987; История советской политической цензуры. Документы и комментарии. 1917–1993 / сост. Т.М. Горяева. М., 1997; Власть и художественная интеллигенция. 1917–1953 гг. Сб. док. и мат. М., 1999; Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964. Док. М., 2000 и др.

позволяют изучить официальный дискурс в отношении «бывших» и меры, применяемые к ним³⁰.

Большой интерес представляет значительный массив делопроизводственных документов и свидетельств, дающих информацию о процессе создания тех или иных произведений литературы и искусства, о реакциях на их появление. К ним относятся черновики, личные документы и переписка представителей художественной интеллигенции, опубликованные материалы произведений, стенограммы обсуждений, рецензии и отзывы³¹.

В данном плане очень продуктивными для исследования оказались дела об отдельных историко-революционных фильмах. Они, как правило, включают литературный и режиссерский сценарии, смету на кинопроизводство, списки ролей и актеров, перечень декораций и костюмов, календарно-постановочный план съемок, обсуждение готового фильма специалистами, перечень сделанных исправлений и поправок, заключение художественного совета киностудии.

Использовались также данные социологических исследований о зрительских симпатиях театральных постановок и телевизионных фильмов³².

Значительный корпус текстов, привлеченных для исследования, – это *источники личного происхождения*. Прежде всего, письма зрителей после просмотра тех или иных кинокартин, а также отзывы посетителей выставок историко-революционной живописи. Они дают полезную информацию о неоднозначной реакции людей на отдельные творения деятелей искусства.

Нами изучено большое количество мемуаров. Многие из них опубликованы, другие воспоминания хранятся в качестве рукописных и машинописных материалов в архивах. Подавляющее большинство воспоминаний участников и современ-

³⁰ См.: РГВА. Ф. 4 (Управление делами РВСР / Наркомата обороны СССР). Оп. 1. Д. 138; Оп. 2. Д. 107; Ф. 5 (Секретариат Главкома Вооруженных Сил Советской Республики). Оп. 1. Д. 59; Ф. 7 (Штаб РККА). Оп. 1. Д. 186; Ф. 33987 (Секретариат председателя РВСР). Оп. 1. Дд. 275, 329, 590; Оп. 3. Дд. 25, 78, 39, 275; Ф. 33988 (Секретариат заместителя председателя РВСР). Оп. 1. Дд. 267, 276, 295; Оп. 3. Д. 19; Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака (Стенографический отчет) // Арестант пятой камеры. М., 1990. С. 243–456; Дело Бориса Савинкова. М., 1924; Ярославское восстание. 1918. Сб. док и мат. / под общ. ред. А.Н. Яковлева, сост. Е.А. Ермолин, В.Н. Козляков. М., 2007; Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / под ред. А.Н. Яковлева; отв. ред. В.И. Шишкин. М., 2003; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Документы / под ред. А. Н. Яковлева. М., 2004; Ярославское восстание. 1918. Сб. док. и мат. / под ред. А.Н. Яковлева. М., 2007 и др.

³¹ См.: ГАРФ. Ф. 5974 (В.В. и Е.Г. Шульгины); РГАЛИ. Ф. 631 (Союз советских писателей); Ф. 656 (Главное управление по контролю за репертуаром / Главрепертком); Ф. 844 (М.И. Ромм); Ф. 1038 (В.В. Вишневецкий); Ф. 1052 (Ф.В. Гладков); Ф. 1923 (С.М. Эйзенштейн); Ф. 1988 (Д.С. Моор); Ф. 1996 (М.Б. Греков); Ф. 2214 (П.А. Бляхин); Ф. 2433 (Киностудия «Мосфильм»); Ф. 2456 (Министерство кинематографии СССР); Ф. 2468 (Киностудия им. М. Горького); Ф. 2944 (Госкино СССР) и др.; «А дряни подобно «Гармонь» больше не ставите?..» Записи бесед Б.З. Шумяцкого с И. В. Сталиным после кинопросмотров. 1934 г. // Киноведческие записки. – 2002. – Вып. 61. – С. 281–346; «Картина сильная, хорошая, но не «Чапаев»...». Записки бесед Б.З. Шумяцкого с И.В. Сталиным после кинопросмотров. 1935–1937 гг. // Киноведческие записки. – 2003. – Вып. 62. – С. 115–188; Стенограмма обсуждения фильма «Сорок первый» на худсовете «Мосфильма», 1956 г. // Киноведческие записки. – 2002. – Вып. 61. – С. 72–84 и др.

³² См. напр.: ГАРФ. Ф. Р-6903 (Государственный комитет по радиовещанию и телевидению при Совмине СССР). Оп. 3. Д. 566 и др.

ников гражданской войны представляет собой мемуары-«современные истории», или так называемые мемуарно-исследовательские работы.

Воспоминания участников гражданской войны рассматривались в работе отдельно, с точки зрения принадлежности их авторов к лагерю белых или красных. Первая группа мемуаров, написанных и изданных в советской стране, а также хранящихся в архивах, оказалась не столь обширной³³.

Другой комплекс воспоминаний представляет собой колоссальное количество опубликованных, а также неопубликованных материалов. Поэтому пришлось остановиться лишь на нескольких подобных трудах, чтобы выявить их общие особенности³⁴.

Следующий массив мемуарных текстов составляют воспоминания литераторов и деятелей искусства, а также их современников о создании тех или иных произведений, об условиях жизни и творчества. Это в большинстве своем – мемуары-«биографии»³⁵.

Еще одним видом источников личного происхождения являются устные воспоминания людей, свидетельства которых оказались ценными для работы. Среди информантов, предоставивших некоторые сведения, касающиеся темы диссертации, оказались сын белого генерала, русский американец С.П. Петров (Сан-Франциско); внучка белого генерала М.В. Ханжина М. Ю. Бородина (Моск-

³³ См.: *Слацов Я.А.* Крым в 1920 г.: Отрывки из воспоминаний. М.–Л., 1924; *Калинин И.М.* Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. Л., 1925. *Он же.* Русская Вандея. М.–Л., 1926; *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новониколаевск, 1925; *Венус Г.Д.* Война и люди. Семнадцать месяцев с дроздовцами. М.–Л., 1927; *Макаров П.В.* Адъютант генерала Май-Маевского. Из воспоминаний начальника отряда красных партизан в Крыму. Л., 1927; *Энгельгардт Б.А.* Потонувший мир // Военно-исторический журнал. – 1964. – № 1. – С. 70–81; № 5. – С. 71–83; № 8. – С. 75–84; № 9. – С. 70–80; № 10. – С. 75–87; *Лесевичкий Н.Н.* Два года и три месяца службы белым // РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 180; *Мезерницкий М.В.* Четыре года у белых // РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 209; *Пепеляев А.Н.* Автобиография // ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 856 и др.

³⁴ См.: *Фрунзе М.В.* Избран. произв. М., 1984; *Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о гражданской войне: в 4-х т. М., 1924–1933. Т. 1–4; *Постышев П.П.* Гражданская война в Сибири. Воспоминания. Харьков, 1928; *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957; *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1958. *Самойло А.А.* Две жизни. М., 1958; *Буденный С.М.* Пройденный путь: в 3-х кн. М., 1958–1973. Кн. 1–3; *Чуйков В.И.* Закалялась молодость в боях. М., 1978 и др.

³⁵ *Бродский И.И.* Мой творческий путь. Л.–М., 1940; *Эйзенштейн С.М.* В боях за «Октябрь» // *Эйзенштейн С.М.* Избран. произв.: в 6-ти т. М., 1964. Т. 1. С. 136–140; *Ромм М.И.* Устные рассказы. М., 1989; М.Б. Греков в воспоминаниях современников. Л., 1966; *Шкловский В.Б.* «Жили-были». Воспоминания, мемуарные записи, повести о времени с конца XIX в. до 1964 г. М., 1966; *Герасимов С.А.* Жизнь. Фильмы. Споры. М., 1971; *Дейнека А.А.* Жизнь, искусство, время. Л., 1974; *Эйзенштейн* в воспоминаниях современников. М., 1974; *Илларион Николаевич Певцов.* Литературно-театральное наследие. Воспоминания о Певцове. М., 1978; *Гончаров А.А.* Режиссерские тетради. М., 1980; *Дзиган Е.* Жизнь и фильмы. Статьи, свидетельства, воспоминания, размышления. М., 1981; *Товстоногов Г.А.* Зеркало сцены: в 2-х кн. Л., 1984. Кн. 1–2; *Зархи А.Г.* Мои дебюты. М., 1985; *Ульянов М.А.* Работаю актером. М., 1987; *Александр Алов, Владимир Наумов.* Статьи. Свидетельства. Высказывания. М., 1989; *Вспоминая Владимира Высоцкого.* М., 1989; *Толубеев Ю.* Воспоминания, статьи, письма. М., 1988; *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. М., 1990; *Послесловие: С.А.Герасимов в высказываниях, воспоминаниях, письмах.* М., 1996; *Булгаков М.А.* Дневник. Письма. 1914–1940. М., 1997; *Соломин Ю.М., Владимиров Е.Е.* От Адъютанта до Его Превосходительства. М., 1999; *Стриженов О.А.* Исповедь. М., 2001; *Закревский Ю.А.* Наше родное кино. М., 2004; *Касаткина Л.И., Колосов С.Н.* Судьба на двоих (Воспоминания в диалогах) М., 2005; *Жаров М.И.* Мои встречи с временем и людьми. М., 2006 и др.

ва); бывший сотрудник ЦГАСА (ныне РГВА) кандидат исторических наук Н.Д. Егоров (Москва); профессор, доктор исторических наук В.С. Кобзов (Челябинск).

Публицистические произведения также стали предметом нашего внимания. К ним относятся выступления и сочинения людей, олицетворявших власть в советской стране, – В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, М.С. Горбачева. Для нас интерес представляли, прежде всего, те материалы, которые так или иначе изображали участников Белого движения. По своему жанру публицистические тексты более политизированы и менее откровенны, в отличие, скажем, от мемуарной литературы. В них много пафоса, «игры на публику», официоза.

Еще один комплекс источников включает *научную и учебную литературу*, в частности труды советских историков в виде монографий, статей и учебников, представляющих собой научный дискурс о гражданской войне в России. Знаковыми явлениями в исторической науке стали работы М.Н. Покровского, И.И. Минца, В. Владимировой, Н.Е. Какурина, Г.Х. Эйхе, Г.З. Иоффе и ряда других исследователей, изучавших контрреволюцию.

Показательными с точки зрения советского научного дискурса являются коллективные академические труды и энциклопедические издания, в том числе и о гражданской войне³⁶. По данным источникам можно проследить эволюцию развития научного знания о Белом движении в советской стране.

Концентрированным выражением того, как советские историки в угоду власти и официальной идеологии трактовали факты гражданской войны и создавали «образ врага», стали школьные и вузовские учебники, некоторые из них оказались в центре нашего внимания³⁷.

Фольклор и художественная литература – хранители культурной памяти, и поэтому они также привлекательны в качестве исторического источника. В работе рассмотрен ряд произведений устного народного творчества, где присутствуют образы белогвардейцев. Это, главным образом, частушки, военные песни, сказания. Нельзя констатировать, что многие из них были политически нейтральными и выражали исключительно «глас народа». Скорее наоборот, многие из фольклорных произведений создавались либо как откровенный политический заказ, либо в условиях господства советской пропаганды и поэтому не могли не содержать негативные характеристики «белогвардейщины». Главным образом, это был фольклор «победителей».

³⁶ См.: Большая советская энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. М., 1927. 1-е изд. Т. 5; Гражданская война. 1918–1921: в 3-х т. / под ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева, Р.В. Эйдемана. М., 1928. Т. 1–3; История гражданской войны в СССР / под ред. М. Горького, С.М. Буденного и др. М., 1935–1960. Т. 1–5; Большая советская энциклопедия / гл. ред. С.И. Вавилов. М., 1950. 2-е изд. Т. 4; Большая советская энциклопедия: в 30-ти т. / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1970. 3-е изд. Т. 3; Гражданская война в СССР: в 2-х т. / под ред. Н.Н. Азовцева. М., 1980–1986. Т. 1–2; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / гл. ред. С.С. Хромов. М., 1983 и др.

³⁷ См.: История СССР. Краткий курс / под ред. А.В. Шестакова. М., 1938; История СССР. Учебник для 10 класса средней школы / под ред. А.М. Панкратовой. М., 1941; Геллерштейн Л.С., Голубева Т.С. Рассказы по истории СССР для 4 класса. Учебная книга. М., 1971; Берхин И.Б. История СССР. Переходная эпоха от капитализма к социализму (1917–1937 гг.). Учебное пособие для 9 класса. М., 1972; Он же. История СССР. Советский период. Учебное пособие для вузов по спец. «История». М., 1987 и др.

Оказалась в центре нашего внимания и художественная проза: романы и повести советских писателей о гражданской войне. Они составили наиболее внушительный массив литературных источников³⁸. Другая большая группа литературных произведений, где запечатлены образы Белого движения, – пьесы советских драматургов³⁹. Невозможно было не обратиться и к стихотворным произведениям⁴⁰. Во всех литературных текстах образы Белого движения созданы в художественном формате.

Другой тип свидетельств, которые изучались в ходе исследования, относится к визуальным источникам. *Иконографические источники* включают произведения советского изобразительного искусства, графические (плакат и карикатура)⁴¹ и живописные историко-революционные картины⁴², в которых художники отразили личное и общественное представление о гражданской войне, создав запоминающиеся образы участников Белого движения.

Особо стоит отметить и такой вид визуальных источников, как почтовые марки с изображением тех или иных репродукций художников. Появление работ художников на почтовых марках, бесспорно, является показателем их значительной популярности у власти и общества.

Группа визуально-вербальных свидетельств – это *фильмические источники*, то есть историко-революционные игровые кинокартины советского периода. Исследуемые в диссертации художественные фильмы можно разделить на две группы: немые и звуковые произведения. Последние представляют собой аудиовизуальные источники. В работе проанализированы фильмы, которые, как правило, вышли в прокат. Но также изучены некоторые киноматериалы, представляющие

³⁸ См. романы и повести: А.Г. Малышкин «Падение Даира», В.Я. Зазубрин «Два мира»; Д.А. Фурманов «Чапаев» и «Мятеж»; М.А. Булгаков «Белая гвардия»; В.В. Вересаев «В тупике»; А.С. Серафимович «Железный поток»; Ф.В. Гладков «Цемент»; А.А. Фадеев «Разгром»; М.А. Шолохов «Тихий Дон» и «Поднятая целина»; А.Н. Толстой «Хождение по мукам» («Восемнадцатый год» и «Хмурое утро») и «Хлеб»; А. Веселый «Россия, кровью умытая»; Н.А. Островский «Как закалялась сталь»; К.А. Федин «Необыкновенное лето»; К.Ф. Седых «Даурия»; Н.Н. Никитин «Северная Аврора»; Д.Д. Нагишкин «Сердце Бонивура»; Ю.Н. Бессонов «Восстание»; Б.Л. Пастернак «Доктор Живаго»; Ю.С. Семенов «Пароль не нужен»; Л.В. Никулин «Мертвая зыбь»; С.П. Залыгин «Соленая Падь»; А.И. Алдан-Семенов «Красные и белые»; В.П. Аксенов «Остров Крым» и др.

³⁹ См. пьесы: М.А. Булгаков «Дни Турбиных» и «Бег»; К.А. Тренев «Любовь Яровая»; Вс.В. Иванов «Бронепоезд 14-69»; Б.А. Лавренев «Мятеж (Дым)» и «Разлом»; Б.С. Ромашов «Конец Криворыльска» и «Огненный мост»; П.А. Арский «Адмирал Колчак»; Ю.К. Олеша «Список благодетелей»; А. М. Горький «Достигаев и другие»; А.Е. Корнейчук «Гибель эскадры»; И.Л. Прут «Князь Мстислав Удалой»; Н.Ф. Погодин «Человек с ружьем»; Л.М. Леонов «Метель»; К.М. Симонов «Парень из нашего города»; М.А. Кац и А.Г. Ржешевский «Олеко Дундич»; В.В. Вишневский «Первая Конная» и «Незабываемый 1919-й»; М.Ф. Шатров «Шестое июля» и «Дальше... дальше... дальше!» и др.

⁴⁰ См. стихи и поэмы: Д. Бедный «По поводу признания союзниками Колчака», «Манифест Юденича», «Манифест барона фон Врангеля», «Фронтовые частушки», «Три гада», «Добьем Иуденичей!», «Кого мы били» и др.; Н.Н. Асеев «Семен Проскаков», Л.Н. Мартынов «Адмиральский час»; С.А. Есенин «Песнь о великом походе»; В.А. Луговской «Песня о ветре»; В.В. Маяковский «Хорошо»; «Владимир Ильич Ленин»; Р.И. Рождественский «Кладбище под Парижем» и др.

⁴¹ См. плакаты и карикатуры Д.С. Моора, В.Н. Дени, В.В. Маяковского, Кукрыниксов и др.

⁴² См. произведения историко-революционной живописи И.А. Владимирова, М.Б. Грекова, Н.С. Самокиша, И.И. Бродского, Б.В. Иогансона, А.А. Дейнеки, М.И. Авилова, П.П. Соколова-Скали и др.

собой незавершенные работы, в силу разных причин не попавшие на большой экран.

Все исследуемые игровые фильмы по своему жанру представляют собой либо исторические драмы, либо приключенческие ленты в стиле боевиков⁴³. Анализируя советские игровые фильмы, мы отталкивались от мысли, что кинопроизведения больше говорят о том времени, когда они были сняты, нежели о событиях прошлого, представленных на экране. Кино рассматривалось нами как один из способов интерпретации истории с помощью художественных приемов.

Итак, целый комплекс разнообразных по своему происхождению и содержанию источников: вербальных (письменных и устных), визуальных (иконографических) и визуально-вербальных (фильмических), характеристика которых представлена выше, позволил решить основные задачи исследования.

Апробация работы и ее основные результаты, отражены в монографиях, статьях и тезисах, опубликованных в сборниках научных трудов, журналах «Родина», «Вестник Южно-Уральского государственного университета», «Вестник Челябинского университета», «Journal of Siberian Federal University», «Белая армия. Белое дело», «Белая гвардия» в энциклопедиях «Челябинск» и «Челябинская область». Некоторые положения диссертации были представлены на конференциях, имевших статус международных (Челябинск 2004, 2005, 2007; Саратов 2008; Кемерово 2001, 2005, 2007) и всероссийских (Москва 2004; Челябинск 2001; Пермь 2008), а также в преподавании спецкурса «История Белого движения в России» для студентов Южно-Уральского и Челябинского государственных университетов.

Структура диссертации включает введение, пять глав, заключение, список источников и литературы, приложения, перечень принятых сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** сформулирована актуальность темы, охарактеризованы объект и предмет, хронологические и территориальные рамки исследования, определены цель и задачи, научная новизна и практическая значимость работы.

⁴³ В диссертации проанализированы следующие фильмы: «Красные дьяволята» *И.Н. Перестиани*; «Октябрь» *С.М. Эйзенштейна*; «Чапаев» и «Оборона Царицына» *Г.Н. Васильева и С.Д. Васильева*; «Щорс» *А.П. Довженко*; «Мы из Кронштадта», «Первая Конная» и «Железный поток» *Е.Л. Дзигана*; «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» *М.И. Ромма*; «Сорок первый» *Г.Н. Чухрая*; «Тихий Дон» *С.А. Герасимова*; «Золотой эшелон» *И.Я. Гурина*; «Две жизни» *Л.Д. Лукова*; «Операция «Трест»» *С.Н. Колосова*; «Пароль не нужен» *Б.А. Григорьева*; «В огне брода нет» *Г.А. Панфилова*; «Седьмой спутник» *Г. Аронова и А.Г. Германа*; «Служили два товарища» *Е.Е. Карелова*; «Гроза над Белой» *Е.К. Немченко и С.В. Чаплина*; «Шестое июля» и «Берега в тумане» *Ю.Ю. Карасика*; «Белое солнце пустыни» *В.Я. Мотыля*; «Новые приключения неуловимых» *Э.Г. Кеосаяна*, «Адъютант его превосходительства» *Е.И. Ташкова*; «Бег» *А.А. Алова и В.Н. Наумова*; «Конец атамана» *Ш.К. Айманова*; «Даурия» *В.И. Трегубовича*; «И на Тихом океане...» и «Поговорим, брат...» *Ю.С. Чулюкина*; «Свой среди чужих, чужой среди своих» и «Раба любви» *Н.С. Михалкова*; «Дни Турбиных» *В.П. Басова*; «Красная площадь» и «Хождение по мукам» *В.С. Ордынского*; «Ищи ветра...» и «Первая Конная» *В. Любомудрова*; «Моонзунд» *А. Муратова*; «Повесть непогашенной луны» *Е.В. Цымбала*; «История болезни» *А. Праздникова* и др.

Первая глава «Методологические основания, историография, источники» дает представление о теоретических основах исследования, подходах и методах, используемых для решения задач, поставленных в диссертации. Здесь же рассматриваются этапы развития историографии Белого движения, а также проблематики, связанной с коллективной памятью, дается обзор исторических источников.

Во второй главе **««Враг» в поле субъективной и объективной политической реальности»** представлена характеристика официальной риторики партийных вождей, в которой фигурировали образы Белого движения, анализируется политика в отношении «бывших» на разных этапах советской государственности. Следует пояснить, что объективная реальность представляет собой сферу реализованных действий, идей, воплощенных в жизнь. А субъективная реальность включает сферу еще нереализованных идей, умственных конструкций, желаний и страхов индивида или общества, на основе которых складываются представления о мире, о времени и о собственной идентичности. Другими словами, объективная реальность – это реализованная в действительности субъективная реальность.

Руководители Советского государства обращались к истории гражданской войны по разным поводам. В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и И.В. Сталин писали и говорили о белогвардейцах как о врагах в русле текущей политики и тех проблем, которые они пытались решить. В их выступлениях и сочинениях заложены основные трактовки Белого движения как классово враждебной силы, вожди которой якобы стремились к восстановлению самодержавия. Белые армии, согласно официальной риторике советских руководителей, находились на содержании иностранных держав и содействовали закабалению России. Для характеристики участников Белого движения нередко использовались нечеловеческие образы, как правило, звероподобные. Несмотря на официальный атеизм советских вождей, некоторые из них порой сравнивали белогвардейцев с отрицательными героями из библейских сюжетов, имена которых стали нарицательными.

Во второй половине 1930-х гг. наблюдается значительное снижение внимания к Белому движению и актуализации его как «образа врага». Видимо, это связано и с определенной временной дистанцией, и с выходом на первый план иных политических проблем. Поэтому последующие руководители страны рисовали образы белой контрреволюции, как правило, в связи с очередной годовщиной «Великого Октября» или юбилеем со дня рождения В.И. Ленина. Риторика советских вождей со временем менялась и претерпела определенную эволюцию: от эмоциональных и ругательных эпитетов В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина до несколько нейтральных терминов Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова и М.С. Горбачева. Однако при этом все же негативные коннотации в отношении Белого движения сохранялись. В целом, почти все публичные речи и высказывания советских вождей отличались неглубоким познанием Белого движения. Возможно, они знали гораздо больше, но вынуждены были придерживаться определенных правил игры, которые диктовались официальной риторикой. Речи и указания вождей относительно исторического пути России, в том числе и по вопросам гражданской войны, были определяющими для многих историков. Оценка врагов в ус-

тах партийных руководителей неизменно переносилась на страницы исторических трудов и учебников.

Политика советских властей в отношении участников Белого движения отличалась двойственностью, в которой сочетались как репрессии, так и сотрудничество с недавними врагами. Первоначально, вплоть до середины 1930-х гг., в основу организации советского общества был положен универсальный принцип разделения всех людей на «бывших» и «новых». Официально дифференциация строилась на основе классовой принадлежности. На самом деле место человека определялось по множеству разных показателей: происхождению, профессии, партийности, религиозности, взглядам на происходящее, поведению и др. Новый принцип общественной организации призван был в идеале заменить все, ранее существовавшие до тех пор, пока не победит мировая революция.

Однако планы мировой революции вскоре оказались отодвинуты на неопределенное будущее, менялись условия жизни и политическая конъюнктура, поэтому действия Кремля по отношению к «бывшим» также подвергались коррекции. В целом можно выделить несколько этапов такой политики. Первый период приходится на время гражданской войны, когда с целью подрыва боеспособности врага и даже привлечения его на свою сторону советские руководители стремились использовать различные способы, вплоть до полной амнистии противника. В 1920 г. был осуществлен массовый призыв в РККА бывших участников Белого движения. Через год службы им гарантировали возвращение всех прав. В это время в советском дискурсе о гражданской войне порой присутствовало уважительное отношение к белым как к достойному противнику Красной армии. Но уже в следующем году основная масса таких лиц была уволена со службы. Данный процесс не затронул только людей с высшим военным образованием и технических специалистов высокого уровня.

Следующий этап пришелся на начало 1920-х – первую половину 1930-х гг. и во многом отличался уничижительным дискурсом и репрессиями против бывших белогвардейцев. Следовали массовые увольнения из Красной армии и управленческого аппарата. Подобная политика диктовалась утверждением тоталитарного режима в стране.

Другой период связан с обострением международной обстановки накануне и во время Второй мировой войны и с последующим этапом позднего сталинизма (1935–1953), когда происходит отказ советских властей от жесткой политики в отношении «бывших» и проявляется стремление в значительной степени привлечь их на свою сторону. На данном этапе подвергались репрессиям главным образом те участники Белого движения, которые сотрудничали с внешним врагом.

В условиях трансформации советской политической системы (1953–1985), под влиянием настроений в обществе и ухода из жизни многих, уже престарелых участников Белого движения происходит постепенный отказ от репрессивной политики в их отношении со стороны властей. Однако негативный дискурс о белогвардейцах как о врагах сохранялся.

Только в период структурного кризиса в СССР и зарождавшейся демократической системы начинается процесс полной реабилитации участников Белого движения, который не завершен до сих пор. Если основная масса солдат и офицеров, генералов и политиков из лагеря белогвардейцев признана и властями, и большей частью граждан современной России жертвами братоубийственной гражданской войны, то по отдельным личностям такого консенсуса нет. Главные обвинения к некоторым участникам Белого движения сводятся к участию в терроре и сотрудничеству с внешним врагом.

Третья глава «Советский вариант истории Белого движения» посвящена анализу мемуаров и научного дискурса. Развитие мемуарной литературы можно условно разделить на ряд этапов (волн), которые непосредственно связаны и с меняющимися умонастроениями в обществе, и с политикой советского государства. Первый этап (1920-е гг. – начало 1930-х гг.) отличался активной деятельностью по созданию и публикации мемуаров участников революции и гражданской войны. Многие из подобного рода сочинений отличались небольшим объемом и, что самое главное, наряду с распространенными стереотипами и штампами, в них порой присутствовал эмоциональный, а не идеологически выдержанный взгляд на события прошлого.

Второй этап (с середины 1930-х – первая половина 1950-х гг.) оказался не столь богат на мемуарные тексты о гражданской войне. С установлением жесткого тоталитарного режима советского образца количество мемуаров значительно сократилось, а тех, что выходили в свет, было немного.

Третий период, наступивший после смерти И.В. Сталина и продолжавшийся вплоть до распада СССР, характеризуется появлением большого количества воспоминаний о революции и гражданской войне, затрагивающих, конечно, вопросы и о контрреволюционных силах. Однако все опубликованные мемуары сохраняли идеологически выраженную окраску. Лишь в условиях гласности и еще более радикальной трансформации советской политической системы, во второй половине 1980-х гг., стала создаваться почва для публикации ранее не издававшихся по цензурным соображениям воспоминаний.

Если говорить о создателях советских мемуарных текстов, то они по своей причастности к событиям прошлого представляют собой несколько групп авторов. Во-первых, это партийные, военные и государственные деятели, участники и современники гражданской войны. Во-вторых, рядовые борцы за советскую власть, многие из которых являлись непосредственными участниками событий. В Советском Союзе со второй половины 1950-х годов проводились целые кампании среди ветеранов по созданию ими мемуарных сочинений к юбилейным датам, связанным с Октябрьской революцией. Такого рода воспоминания, в рукописном или машинописном виде, сохранились во многих областных архивах на территории бывшего СССР. Они зачастую не отличаются своей оригинальностью в трактовке событий того времени, отражая советский набор мифов о Белом движении. Однако эти воспоминания в какой-то мере дают представление о взглядах мемуаристов, об отношении их к событиям «героического прошлого». В таких мемуарах иногда можно встретить и малоизвестные факты.

Третья группа авторов – это лица, не участвовавшие в гражданской войне ни на той, ни на другой стороне. Они стремились просто выжить в условиях очередной российской смуты. Но среди них, судя по текстам, можно встретить людей с разными политическими взглядами и симпатиями.

К четвертой группе мемуаристов следует отнести бывших участников антибольшевистского движения, оставшихся или вернувшихся на родину. Большая их часть прошла через тюрьмы и лагеря, многие погибли, но кто-то все-таки сумел избежать преследований со стороны властей. Некоторые из них также писали мемуары, либо по указке свыше для разоблачения того дела, которому они когда-то служили, либо свои воспоминания они фиксировали по личной инициативе для потомков, без всякой надежды на публикацию в ближайшем будущем.

По причине невозможности охватить и проанализировать в данной работе такое огромное количество мемуарных текстов, мы решили остановиться на наиболее репрезентативных из них. Вследствие этого рассмотрен ряд воспоминаний из двух групп мемуаров, которые условно можно обозначить в зависимости от принадлежности их авторов к тому или иному политическому лагерю времен гражданской войны, как «красные» и «белые».

В результате анализа особенностей мемуаров, а также содержащихся в них характеристик «образа врага», можно констатировать следующее. Мемуарная литература сыграла значительную роль в создании и трансляции как реальных, так и легендарных исторических фактов о Белом движении. Значительное количество мемуарных текстов появилось в первое десятилетие после гражданской войны и в период «оттепели», в условиях ослабления цензурных рамок. «Белые» мемуары, созданные в условиях советской действительности, оказались более информативны, чем «красные» воспоминания. Однако и в тех, и в других текстах можно обнаружить много домыслов, стереотипов, но и подлинных свидетельств. В отличие от образов «белогвардейщины» в художественной литературе, мемуаристы, стремясь быть достоверными, в меньшей степени использовали аллегории. Мемуарная литература оказала значительное влияние на историков и на представления многих советских людей о гражданской войне.

Советский научный дискурс о Белом движении отличался следующими чертами. Трактовки и оценки истории «белогвардейщины» зачастую опирались не только на реальные факты прошлого, но и подгонялись под схему, созданную в рамках марксистского, классового подхода. В 1920-е – начале 1930-х гг. история контрреволюции активно изучалась советскими историками, причем одним из главных инициаторов этого дела стал академик М.Н. Покровский. Публиковались документы белых правительств, мемуары представителей антибольшевистского лагеря, даже появилось несколько биографических исследований о некоторых лидерах Белого движения.

Но в то же время в исторических трудах под влиянием официальной пропаганды присутствовали такие ругательные эпитеты в отношении участников Белого движения, как «бандиты», «сатрапы», «подлецы», «наемники империализма» и т.п. Тогда же появились термины, содержащие негативные коннотации: «белогвардейщина», «корниловщина», «деникинщина», «колчаковщина», «врангелев-

щина», «дутовщина», «красновщина» и др. В названиях трудов советских историков стали зачастую фигурировать слова «разгром», «авантюра» и «крах». Данная традиция прочно закрепилась в советской историографии и неуклонно проявлялась в последующие годы.

Особенностью историографии 1920-х гг. является то обстоятельство, что большинство авторов исторических трудов были либо непосредственными участниками, либо свидетелями гражданской войны. Поэтому их работы отличались эмоциональными оценками и трактовками, зачастую они представляли белогвардейцев неоднозначно, порой подчеркивая и сильные стороны врага.

С утверждением сталинской концепции истории революции и гражданской войны, отраженной в письме вождя «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931 г.) и в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938 г.), изучение контрреволюции не представлялось целесообразным и возможным. Такая тенденция в развитии советской историографии пришла на второй этап (начало 1930-х – первая половина 1950-х гг.) в изучении истории гражданской войны. Белое движение как самостоятельный предмет исследования перестало присутствовать в трудах советских историков. Показательно, что во втором издании «Большой советской энциклопедии», вышедшем в свет в период позднего сталинизма, уже не было статьи о «Белой гвардии», в отличие от первого издания 1920-х годов. В работах о гражданской войне неизменно подчеркивалась подчиненная роль «белогвардейщины», выполняющей политический заказ зарубежных «империалистов».

Некоторое оживление исторических исследований, посвященных контрреволюционным силам, стало реальностью во время так называемой «хрущевской оттепели» и продолжалось до середины 1980-х годов. Данное время можно считать третьим периодом в развитии советского научного дискурса. Несмотря на новые позитивные тенденции, на историков продолжала влиять атмосфера «холодной войны». Господствовали старые, ортодоксальные позиции в отношении трактовок и оценок антибольшевистских сил. Независимо от того, что труды исследователей становились более информативными, с широким использованием разнообразных источников, отказаться от идеологических стереотипов (о подчиненности белых режимов Антанте, о классовой основе контрреволюции и др.) и от негативных эпитетов («белогвардейщина», «белогвардейские главари», «заговор», «авантюра», «крах» и др.) они не могли.

Лишь в условиях кризиса советской политической системы во второй половине 1980-х гг. появились иные, не ортодоксальные, с точки зрения официальной идеологии, работы историков о гражданской войне. Началось переосмысление переломных моментов советской истории в условиях становления плюрализма мнений, оценок, подходов. На этом этапе среди отечественных историков наметилось размежевание на тех, кто еще сохранял верность марксистской концепции, и тех, кто встал на путь раскрытия «белых пятен» в истории гражданской войны, отказываясь придерживаться исключительно классового подхода в изучении прошлого. Последние авторы зачастую стали романтизировать и героизировать

историю Белого движения, обращаясь в своих исследованиях, главным образом, к военной тематике и биографическому жанру.

Учебники по истории в советской стране отличались значительной приверженностью к официальной идеологии и наглядностью в изображении врага. Они в первую очередь должны были воспитывать подрастающее поколение на мифах о революции и гражданской войне, созданных в 1920–1930-е годы. Таким образом, даже в условиях перемен, учебная литература отличалась большей приверженностью к старым догмам и стереотипам, нежели труды историков.

Основные контуры, определявшие образы белых, созданные для восприятия советской молодежью: «жалкие» фигуры лидеров контрреволюции; громадное превосходство их войск, снабженных всем необходимым из-за рубежа; ужасы белого террора.

В четвертой главе «Художественное слово в конструировании облика «врага»» анализируются литературные произведения и театральная драматургия. Интерес к гражданской войне как ключевому событию советской истории у литераторов никогда не ослабевал. Но в переломные, поворотные моменты развития советского социума актуальность этой темы еще более возрастала, что и вызывало появление целого ряда произведений. Первая волна художественных сочинений о гражданской войне пришла на 1920-е – первую половину 1930-х гг., когда еще были сильны воспоминания о ней. Вторая волна стала реальностью в период «оттепели» и несколько позже, с середины 1950-х и до начала 1970-х гг., в условиях пересмотра некоторых советских мифов сталинского времени. Третья, завершающая волна таких произведений пробивала себе дорогу во второй половине 1980-х гг. в период «гласности» и «перестройки». Во время периодов активизации памяти о гражданской войне в обществе происходил процесс корректировки знаний о прошлом.

На наш взгляд, две главных темы доминировали в историко-революционной литературе. Во-первых, героическая борьба большевиков против сил контрреволюции. Во-вторых, тема выбора человека в условиях революционного времени.

«Образ врага» в советской литературе, отождествлявшийся с Белым движением, создавался на основе целого набора стереотипов. Первым наиболее распространенным из них являлось утверждение о том, что белогвардейцы выступили против большевиков исключительно с целью реставрации самодержавия. Другим господствующим мнением стал тезис о белогвардейцах как марионетках в руках правителей Антанты, получавших от них широкомасштабную помощь. Антинародность белых политических режимов стала еще одним стереотипным утверждением. Образ «белогвардейщины» зачастую рисовался посредством изображения человеческих пороков ее представителей. Среди них доминировали пьянство, наркомания, разврат, грабежи, убийства и т.д.

Семантический анализ текстов советских писателей свидетельствует, что во многих произведениях образы «белогвардейщины» олицетворялись со звериными, зачастую с волчьими, вороньими и иными демонологическими образами.

Несмотря на господство различных стереотипов о Белом движении, в культурной памяти советского общества можно отметить эволюцию его литературных

образов. В 1920-е – начале 1930-х гг. белогвардейцы представлены в литературе не всегда однозначно, наряду с негативными чертами присутствовали и те, которые вызывали симпатии. Наиболее яркие их образы были созданы М.А. Булгаковым, М.А. Шолоховым, А.Н. Толстым и некоторыми другими авторами. В период сталинизма, с середины 1930-х гг., образы «белогвардейщины» стали трактоваться сугубо негативно, но при этом они оказались оттеснены другими, более актуальными для советского общества «врагами»: «пятой колонной», члены которой якобы пробрались даже в партию большевиков, и международными «империалистами». «Оттепель» вызвала новый интерес к истории гражданской войны. Образы Белого движения в ряде литературных произведений стали более привлекательны и менее негативны. Затем, в 1970-е – первой половине 1980-х гг. в условиях ужесточения цензуры, появилось совсем немного высокохудожественных произведений, трактовавших гражданскую войну как трагедию и для красных, и для белых. Со второй половины 1980-х гг. начинается постепенное переосмысление советского прошлого. В свет выходят ранее запрещенные литературные произведения о гражданской войне Б.Л. Пастернака и В.П. Аксенова, в которых образы участников Белого движения по своей глубине и притягательности ничуть не уступают образам большевиков, а порой и превосходят их.

Художественная литература являлась одним из основных каналов трансляции культурной памяти в советском обществе. Во-первых, она имела наибольшее распространение благодаря традиционному способу познавать мир через книгу и, конечно, благодаря государственной поддержке книгоиздательского дела. Во-вторых, литературные образы в более доступной и яркой форме, нежели те, что были представлены в научных или мемуарных сочинениях, раскрывали советским людям картины исторического прошлого.

Театральная драматургия также внесла значительную лепту в создание советских мифов о Белом движении. Причем «сверху» зачастую враждебные образы трактовались достаточно прямолинейно и однобоко как негативное явление прошлого. Но «снизу», прежде всего со стороны творческой интеллигенции, образ так называемой «белогвардейщины» в 1920-е гг. и в постсталинский период порой конструировался не так однозначно. Многие здесь зависело, с одной стороны, от давления политического режима на общество, в том числе и на драматургов, режиссеров и актеров, а с другой стороны, значительным фактором являлись личные взгляды создателей пьес и постановщиков спектаклей на прошлое страны, связанное с революционными потрясениями и переменами.

Драматические произведения для театра, где в качестве персонажей фигурируют так называемые «белогвардейцы», можно условно разделить на две группы. Во-первых, это постановки, рассказывавшие о времени революции и гражданской войны. Другая группа пьес (их гораздо меньше) – это повествования о периоде «социалистического строительства», которому мешают бывшие участники и сторонники Белого движения. Все эти пьесы представляли собой либо оригинальные театральные сценарии, либо инсценировки литературных произведений.

В развитии советским театральным искусством образов Белого движения можно выделить следующие этапы. Прежде всего, гражданская война и после-

дующее десятилетие. На данном этапе ставились как театральные инсценировки, так и агитационные пьесы. Но наиболее высокохудожественными оставались произведения, созданные в русле традиционной драматургии, показывающие врага не только в политических и военных баталиях, но и на фоне повседневной жизни людей. Ряд таких пьес: «Дни Турбиных» и «Бег» М.А. Булгакова, «Любовь Яровая» К.А. Тренева, «Бронепоезд 14-69» В.В. Иванова и некоторые другие, впоследствии были признаны классическими произведениями. В них с большим художественным мастерством представлены и участники Белого движения, образы которых рисовались не только негативно.

Как объяснить, что именно в это время в советской драматургии происходит конструирование и трансляция образов участников Белого движения с более объективных позиций? Конечно, здесь сказалось ослабление политического давления со стороны правящих верхов в условиях НЭПа, когда еще существовала определенная свобода творчества. С другой стороны, мифы о революции и гражданской войне как базовые для советского социума тогда только складывались. И власти еще не выработали четких цензурных границ, в рамках которых создавались образы белогвардейцев. Не следует также забывать, что часть советских граждан ранее принимала участие в гражданской войне не на стороне большевиков. Жизненный опыт и представления этих людей на обыденном уровне также могли влиять на создателей пьес. Прочного «железного занавеса», установленного позднее, тогда еще не существовало, и некоторые мемуарные, исследовательские, публицистические сочинения о революции и гражданской войне, изданные за рубежом и отражающие взгляды русских эмигрантов, все-таки попадали в культурное советское пространство. Все эти факторы, на наш взгляд, и способствовали созданию в драматургии не сугубо отрицательных образов «белогвардейщины».

На следующем этапе развития советского общества, в условиях установившейся сталинской диктатуры, образы Белого движения на театральной сцене оказались заслонены с одной стороны культом большевистских вождей – В.И. Ленина и И.В. Сталина, а с другой – образами внешних врагов. Белогвардейцы как персонажи пьес зачастую представлялись упрощенными и одномерными.

В постсталинский период, начиная с политической оттепели и до распада СССР, образы Белого движения вновь возвращаются на сцену с некоторыми смягченными и оправдательными коннотациями. Некоторые пьесы, запрещенные ранее, были разрешены к постановке.

С началом политики перестройки в обществе стал нарастать интерес к участникам борьбы за Белое дело, к их деятельности, к той политической альтернативе, которую они отстаивали. Публиковались материалы, которые способствовали реабилитации противников большевиков в гражданской войне в будущем. Однако советская драматургия, в отличие, скажем, от публицистики или кинематографа, в этом процессе оказалась идеологически выдержанной, придерживаясь старых догм, сохраняя негативные трактовки Белого движения.

Количественный анализ репертуара пьес по историко-революционной тематике как центральных, московских и ленинградских, так и ведущих республиканских театров показал, что наибольшее количество постановок было осуществлено

в 1927–1929 годы. В последующие периоды советской государственности новые спектакли и старые пьесы шли уже гораздо реже и, как правило, их количество увеличивалось во время юбилейных годовщин Октябрьской революции. «Рекордсменами» среди произведений такого рода являлись драмы «Любовь Яровая» К.А. Тренева, «Бронепоезд 14-69» В.В. Иванова, «Гибель эскадры» А.Е. Корнейчука, «Человек с ружьем» Н.Ф. Погодина, «Незабываемый 1919-й» В.В. Вишневского, «Разлом» Б.А. Лавренева, «Мятеж» Д.А. Фурманова, «Интервенция» Л.И. Славина. Они многократно ставились в разных театрах страны. Именно эти спектакли определяли основные контуры культурной памяти о революции и гражданской войне на театральной сцене. При этом следует отметить, что постановки не менее высокохудожественных пьес М.А. Булгакова «Дни Турбиных» и «Бег», где вражеские персонажи выступали не на втором, а на первом плане, не имели, видимо, благодаря запретительным мерам властей, столь широкой аудитории. Подобная ситуация складывалась и в отношении других произведений не менее талантливых драматургов советской эпохи, неоднозначно рисовавших участников Белого движения и иных противников большевиков. Лишь в 1950–1980-е гг. благодаря телевидению и экранизации ряда драматических произведений положение несколько изменилось.

Пятая глава «Лицо «врага» на полотнах художников и киноэкране» знакомит с образами Белого движения, созданными в изобразительном искусстве и игровом кино. Советские художники запечатлели такие образы в графике (плакат, карикатура и гравюра) и в живописи, главным образом в довоенный период. В последующие годы, хотя и создавались многочисленные произведения в данном направлении, но персонажи, олицетворявшие собой Белое движение, на полотнах ведущих художников отсутствовали. Подобные образы были представлены в малоизвестных картинах, которые писались на заказ для различных учреждений, главным образом книжных издательств и музеев.

Плакат и карикатура, где изображались вражеские персонажи зачастую в сатирических и устрашающих образах, как правило, были далеки от реальности, но эффективны как средство пропаганды. Наибольшее искажение исторического прошлого, в котором доминировали и мифология, и демонология, наблюдается именно в плакате и карикатуре. Значительное количество плакатов с вражескими образами Белого движения, ставших советской классикой, создали Д.С. Моор и В.Н. Дени, а в карикатуре в наибольшей степени проявили свой талант Кукрыниксы (М.В. Куприянов, П.Н. Крылов, Н.А. Соколов).

В более реалистичной историко-революционной живописи, где присутствовал «образ врага», господствовали, как правило, два сюжета: вооруженная борьба красных с белыми; террор и расправы белогвардейцев над большевиками. В частности, сцена допроса коммунистов белыми встречается на картинах четырех известных советских художников: М.Б. Грекова, Б.В. Иогансона, Н.С. Самокиша и А.А. Дейнеки. Советская живопись, в отличие от плаката и карикатуры, изображала «образ врага» более достоверно, более психологически точно. Этого требовал сам жанр, его основы.

Значительную роль в трансляции образов Белого движения в советском культурном пространстве сыграли две картины – «Расстрел двадцати шести бакинских комиссаров» И.И. Бродского и «Допрос коммунистов» Б.В. Иогансона. Почтовые марки с изображением именно этих полотен были выпущены в СССР.

Советское изобразительное искусство демонстрировало следующие, во многом далекие от объективности, стереотипы в изображении «гидры контрреволюции»: многочисленность и жестокость врага; отсутствие политических и военных талантов у вождей и военачальников, возглавивших борьбу против советской власти; человеческие пороки участников Белого движения. Помимо этого, постоянно подчеркивалась приверженность участников Белого движения к самодержавному строю, стремление их вождей стать правителями страны. Зачастую акцентировалось внимание на антинародной политике белых. Отмечалась значительная зависимость антибольшевистских режимов от иностранных союзников, преклонение их вождей перед Антантой.

В образах белой контрреволюции, воплощенных в плакате и карикатуре, просматриваются мифологические, библейские и демонологические мотивы. Поскольку враг изображался и как многоголовая гидра, и как волк-оборотень, и в облике «старухи-смерти». Рисуя подобные лики врага, художники обращались и к историческим сюжетам, проводя определенные аналогии с прошлым. Так, например, в отдельных работах отступление белых ассоциировалось с гибелью в 1812 г. Великой армии Наполеона, а белый террор – с периодом Батыева нашествия. Историко-революционная живопись в данном плане оказалась более реалистичной, более приближенной к реальным событиям гражданской войны.

Вообще, в изображении советскими художниками образов «белогвардейщины» следует выделить типажные жанры. В плакате и карикатуре зачастую изображались реальные фигуры деятелей Белого движения. Но все они, как правило, были далеки от действительности. Физическая ущербность, алкоголизм, скудоумие, жестокость, трусость, жажда наживы, антипатриотизм – вот далеко не полный набор их качеств, представленных плакатистами и карикатуристами.

Среди образов историко-революционной живописи мы не увидим реальных исторических фигур, известных деятелей Белого движения: сказывалась внутренняя и внешняя цензура. Но типажные, созданные в живописи, отличались значительной реальностью и психологизмом. В их образах было меньше от мифотворчества и больше от правды жизни. При этом стоит отметить, что, создавая такие картины, художники во многом опирались и на свой жизненный опыт. Некоторые из них, например, Б.В. Иогансон и П.П. Соколов-Скала, даже служили какое то время в Белой армии, а М.Б. Греков и Н.С. Самокиш жили во время гражданской войны при белых режимах на юге России. Такие факты из биографии художников, конечно, не могли не повлиять на их творчество, когда они создавали свои картины.

Игровой кинематограф, наряду с художественной литературой, оказал наибольшее влияние на советский социум, нежели другие культурные каналы, транслирующие разные аспекты исторических мифов о гражданской войне. Художест-

венные фильмы создавались либо на основе оригинальных сценариев, либо как экранизации литературных произведений.

Образы культурной памяти о Белом движении, представленные в игровом кино, в своей эволюции прошли, по крайней мере, несколько этапов. На первом из них (1920-е – начало 1930-х гг.) белогвардейцы в таких фильмах, как «Красные дьяволята» И.Н. Перестиани, «Октябрь» С.М. Эйзенштейна, «Чапаев» Г.Н. Васильева и С.Д. Васильева зачастую рисовались по-разному: и в карикатурном, жалком виде, и где-то даже с симпатиями. Во многом данное обстоятельство объясняется временем становления советского кинематографа, временем экспериментов, еще не установленных жестких цензурных рамок.

В условиях существования сталинского режима с его прагматично-идеологическим подходом к кино для свободного выражения взглядов создателей фильмов места практически не оставалось. Экранные образы участников Белого движения оказались отодвинуты на второй план, так как их заслонили собой персонажи внешних врагов и «притаившихся изменников». Среди белогвардейцев теперь стали фигурировать не только бывшие царские офицеры и представители враждебных большевикам политических партий, непролетарские социальные слои, но и бывшие соратники Сталина, потерпевшие поражение в ходе внутрипартийной борьбы.

Следующий период (с середины 1950-х – 1960-е гг.) оказался наиболее плодотворным в плане реализации творческих замыслов и исторической достоверности событий, демонстрируемых на экране. В эти годы появляется целая плеяда фильмов о гражданской войне («Сорок первый» Г.Н. Чухрая, «Тихий Дон» С.А. Герасимова, «Служили два товарища» Е.Е. Карелова, «Бег» А.А. Алова и В.Н. Наумова, «Адъютант его превосходительства» Е.И. Ташкова и др.), где образы белогвардейцев зачастую выступают не на втором плане, а являются ключевыми. Тогда же выходят удачные экранизации литературных произведений о гражданской войне. Мастера слова вместе с создателями фильмов сумели донести до зрителя всю противоречивость российской смуты и трагедию ее участников, в том числе и со стороны Белого движения.

На создание высокохудожественных кинопроизведений в данный период, на наш взгляд, повлияли следующие факторы. Видимо, культурная элита советского общества, среди которой, конечно, были и кинематографисты, стала по-иному воспринимать участников антибольшевистского движения. Данное обстоятельство было связано и с процессом десталинизации при Н.С. Хрущеве, и с возвращением в СССР части российских эмигрантов, что позволило по-другому посмотреть на прежних врагов. Новое осмысление гражданской войны стало актуальным именно в тот период.

В последнее двадцатилетие советской государственности появилось совсем не много историко-революционных высокохудожественных кинолент. Как правило, среди них преобладали приключенческие картины, боевики, пользовавшиеся большой популярностью у массовой аудитории, в которых негативные экранные образы отдельных белогвардейцев оказались несколько смягчены.

После 1985 г., когда началась политика «гласности», на экраны страны стали выходить картины («Берега в тумане» Ю.Ю. Карасика, «Повесть непогашенной луны» Е.В. Цымбала, «История болезни» А. Праздников и др.), показывавшие гражданскую войну как трагедию и для красных, и для белых, для всех людей, вовлеченных в ее орбиту. Авторы таких фильмов затрагивали тему не только белого, но и красного террора.

На создание историко-революционных фильмов, несомненно, влияли господствующие умонастроения и духовный климат в обществе, на которые в свою очередь оказывал давление политический режим с его официальной идеологией. Во-вторых, большое значение имели мифы коллективной памяти о значимых исторических явлениях, связанных с Октябрьской революцией. И, наконец, не следует забывать о личном опыте и взглядах на события прошлого создателей фильма, прежде всего писателей как авторов киносценариев, режиссеров и актеров.

В заключении подводятся основные итоги и обобщаются главные выводы. Дискурс о революции и гражданской войне доминировал над всеми остальными в советском обществе довоенного периода вплоть до начала 1940-х годов. Он отличался определенным набором мифов. Однако и позже этот дискурс не был забыт и часто воспроизводился наряду с другими реконструкциями «героического прошлого». Советское общественное сознание строилось на основе манихейского мировоззрения, делящего мир исключительно на сферы зла и добра. Поэтому историко-революционный дискурс был просто немыслим без «образа врага», определяемого советской риторикой как «белогвардейщина».

Конструирование в культурной памяти «образа врага» осуществлялось в советском обществе усилиями как «сверху», так и «снизу». Значительную роль в создании образов Белого движения сыграли несколько каналов культурной памяти. Во-первых, это риторика партийных вождей, во-вторых, мемуарная литература и труды историков, в-третьих, художественная литература и театральная драматургия, а также изобразительное искусство и игровой кинематограф.

Представления о Белом движении в советском обществе прошли в своей эволюции несколько этапов, которые имеют свои особенности. Можно выделить три волны коллективной памяти, когда происходила актуализация образов Белого движения. Период таких волн колебался в пределах 10–15 лет. Первая волна охватила 1920-е – начало 1930-х годов, когда память о гражданской войне еще не подвергалась столь сильной цензуре властей. Вторая волна началась в условиях политической «оттепели» с середины 1950-х годов и завершилась к началу 1970-х годов. Третья волна актуализации интереса к участникам Белого движения наступила в период «гласности» во второй половине 1980-х годов и продолжалась весь последний период существования СССР. Все эти волны памяти связаны с переломными моментами в развитии советского общества (НЭП, «оттепель», «перестройка»), когда страна делала исторический выбор. Данное обстоятельство обусловлено тем, что история Белого движения – это история политической и вооруженной борьбы за альтернативный, в отличие от большевистского, путь развития страны. Как только советское общество оказывалось перед выбором, каким путем

развиваться дальше, среди различных альтернатив коллективная память обращалась и к образам Белого движения.

Эволюция представлений о Белом движении, безусловно, связана и со сменой поколений в советском обществе. Если для участников и современников гражданской войны она являлась живой историей, с некоторыми детальными подробностями, то для последующих поколений память об этих годах основывалась преимущественно на образах, созданных в мемуарах, историографии, литературе, искусстве.

«Образ врага», отождествляемый с так называемой «белогвардейщиной», был разноликим. Следует выделить несколько его уровней: личностный, политический и социальный. К личностному уровню относились конкретные и вымышленные исторические фигуры; к политическому – представители враждебных большевикам партий и организаций, от монархических и либеральных до социалистических; к социальному – образы дворян-помещиков, буржуа, духовенства и кулаков.

Можно также определить типажи первого и второго ряда. К первому относились образы политических и военных вождей, генералов, офицеров и священников белых армий, политиков разного толка. Они считались непримиримыми врагами советской власти, и с ними необходимо было разговаривать исключительно языком силы. Вражеские образы второго ряда состояли из «обманутых» генералами и политиками крестьян, казаков, рабочих, оказавшихся в белых армиях, которых можно было убедить и привлечь на сторону большевиков.

К главным чертам того или иного образа, связанного с «белогвардейщиной», относились следующие. Военные и политические вожди – это бесталанные во всех отношениях люди. Главная их забота – вернуть старое, но сделать этого они уже не могут. Офицеры белых армий рисовались как завоеватели в собственной стране с целым набором человеческих пороков. Политики различных организаций и партий, олицетворявших Белое движение, как правило, представлялись как предатели народных интересов и российского государства. Фигуры из духовенства зачастую отличались лицемерием. Они на самом деле не верили в те идеалы, которые проповедовали. Буржуа и кулаки неизменно представлялись как люди, живущие только стремлением к наживе любой ценой. Рядовые воины белых армий отличались тем, что были обмануты генералами, атаманами и политиками. Они проливали кровь ради чужих интересов. Такой односторонний взгляд на историю «белогвардейщины», созданный через призму «образа врага», очень просто и доступно объяснял правоту действий большевиков и «героическое прошлое» советского общества.

Среди стереотипов о Белом движении, утвердившихся в советском социуме, господствовали такие составляющие исторического дискурса о гражданской войне: господство монархических идеалов среди белогвардейцев; многочисленность их армий; масштабная помощь им из-за границы; антинародная политика белых правительств, опиравшихся исключительно на террор. При этом вне поля коллективной памяти оставались республиканские лозунги Белого движения, реформи-

стская политика его правительств, красный террор в условиях гражданской войны против белогвардейцев и ряд других аспектов.

Если говорить об основаниях для создания образов Белого движения, то среди них можно выделить следующие. Во-первых, идеология большевизма, основанная на постулатах марксизма и высказываниях вождей. Во-вторых, непосредственный опыт гражданской войны, запечатленный ее современниками. Отсюда отождествление белогвардейцев с бандитизмом, разгулом, разбоем, насилием, пьянством, наркоманией и другими пороками. Бесспорно, К.Г. Юнг был прав, когда утверждал, что «образ врага» связан с механизмом проекции. Все собственные недостатки советское общество приписывало врагу. Но в то же время нельзя, конечно, отрицать наличие подобных пороков и среди участников Белого движения. В-третьих, негативные образы исторического прошлого также играли свою роль. Поэтому участники Белого движения порой отождествлялись с чужеземными завоевателями прошедших времен. Военные силы белогвардейцев зачастую преувеличивались, а их действия нередко обозначались словом «нашествие». Наибольшее распространение получили ассоциации с монгольскими завоевателями, войсками Наполеона в 1812 г., нацистами периода Второй мировой войны. Наконец, большое значение в формировании лика врага имели и демонологические мотивы, связанные с некоторыми животными, птицами и мифологическими существами. Очень часто белогвардейцы олицетворялись то с волками и псами, то с воронами и другими нечеловеческими образами.

Для обозначения Белого движения и всего антибольшевистского лагеря в Советской России широко использовалось словосочетание «гидра контрреволюции», ведущее свое происхождение со времен Великой Французской революции. Эта метафора имела цель представить врага как многочисленную и опасную силу.

Присутствовали в изображении белогвардейцев и религиозные мотивы, несмотря на официально пропагандируемый атеизм советского общества. Враги зачастую сравнивались с отрицательными библейскими персонажами, такими как Каин и Иуда.

Во многих вербальных и визуальных образах врагов, созданных советской интеллектуальной элитой, можно различить своеобразную интеграцию традиционного религиозного и нового советского сознания. Враги зачастую изображались в качестве дьявольских сил, которым противостояли большевики, представлявшие как «святые» нового мира, мира социальной справедливости.

Конструируя «образ врага», связанный с Белым движением, советское общество формировало и свою коллективную идентичность, в которой не было места для участников и сторонников борьбы за иной, небольшевистский, вариант развития страны. Создание и трансляция подобного «образа врага» давали людям возможность осознать собственное своеобразие.

В советском обществе наблюдалось и такое явление, как инструментализация «образа врага» в зависимости от политической конъюнктуры. И тогда образы Белого движения становились непохожими на свои прототипы, а больше были связаны с другими врагами советского социума, вызванными к жизни актуальными проблемами последующего времени.

За память о Белом движении на протяжении всего существования советской государственности шла борьба между отдельными лицами и группами. Такое явление вполне закономерно и имеет место в любом сообществе, когда речь идет об очень значимых для него событиях, неизменно обрастающих мифами.

Причем стоит сказать и об определенном влиянии коллективных представлений русской эмиграции на образы Белого движения, транслируемые в советском обществе. Это влияние было существенным в 1920-е гг., в период «оттепели» и в последние годы существования Советского Союза. Посредством мемуарной и исторической литературы, а также прямого общения с представителями эмиграции и их потомками советские люди знакомились с другими, непривычными для них трактовками истории гражданской войны.

Представления и образы коллективной памяти о Белом движении отражались и на политике властей в отношении бывших белогвардейцев. Подобная политика в целом была репрессивной, хотя иногда советское руководство шло и на сотрудничество со своими прежними врагами. Лишь под воздействием структурного кризиса второй половины 1980-х гг. и настроений в обществе, ухода из жизни многих уже престарелых участников Белого движения происходил постепенный отказ от репрессивной политики в отношении их со стороны властей. В обществе нарастало понимание гражданской войны как трагедии, началось переосмысление ее опыта. Данный процесс повлиял на подрыв устоев советской идеологии, а значит, и на распад СССР.

Таким образом, коллективная память есть важный фактор общественного развития, который проявляется и в жизни последующих поколений. Данное положение следует учитывать при анализе событий и тенденций прошлого.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. *Волков Е.В.* Белое движение в исторической памяти российского общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2004. – Вып. 3. – № 6. – С. 17–25 (0,8 п.л.).
2. *Волков Е.В.* Лики Белого движения в мемуарах его участников из Советской России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2005. – Вып. 4. – № 7. – С. 21–33 (1 п.л.).
3. *Волков Е.В.* Православное духовенство России в двух гражданских войнах // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск–Новосибирск: Изд-во МаГУ, 2006. – Вып. XVI. – Ч. 2. – С. 105–119 (1 п.л.).
4. *Волков Е.В.* «Любил когда-то Блока капитан...». Неизвестные воспоминания человека из Сан-Франциско // Родина. – 2008. – № 3. – С. 75–78 (0,5 п.л.).
5. *Волков Е.В.* Невский в русской культурной памяти // Родина. – 2008. – № 7. – С. 34–37 (0,5 п.л.).
6. *Волков Е.В.* Гражданская война на востоке России: взгляд из Америки // Вестник Челябинского университета. Серия «История». – 2008. – Вып. 28. – № 35. – С. 188–193 (0,4 п.л.).

7. *Volkov E.V. General V.M. Moltchanoff's Oral Memoirs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2009. – # 2. – P. 210–215 (0,5 п.л.).*

Монографии:

8. *Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала: Страницы жизни М.В. Ханжина. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 1999. – 200 с. (13,5 п.л.).*

9. *Волков Е.В. Колчаковские офицеры: Опыт исторического исследования. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. – 336 с. (18,8 п.л.).*

10. *Волков Е.В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. – Челябинск: Челяб. Дом печати, 2008. – 392 с. (22,7 п.л.).*

Другие публикации:

11. *Волков Е.В. Страницы жизни генерала М.В. Ханжина // Оренбургское казачье войско. Военная служба и общественная жизнь. – Челябинск: Изд-во Челяб. ун-та, 1997. – С. 73–94 (1 п.л.).*

12. *Волков Е.В. Юнкера Оренбурга в годы гражданской войны // Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры: тез. докл. и сообщ. всерос. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1998. – С. 167–170 (0,3 п.л.).*

13. *Волков Е.В. Подготовка военных специалистов и офицерских кадров в вооруженных формированиях «белых» на Урале // Исторические чтения: мат. науч. конф. – Челябинск: ЦКИНЧ, 1998. – Вып. 4. – С. 47–50 (0,3 п.л.).*

14. *Волков Е.В. Военно-учебные заведения на Южном Урале в период революционной смуты (1917–1919) // Оренбургское казачье войско. Поиски. Находки. Открытия. – Челябинск: Изд-во Челяб. ун-та, 1999. – С. 90–102 (0,8 п.л.).*

15. *Волков Е.В. Вооруженные формирования оренбургских казаков в составе регулярных соединений белых войск (1918–1920) // Оренбургское казачье войско. Страницы истории XIX–XX вв. – Челябинск: Изд-во Челяб. ун-та, 1999. – С. 45–58 (0,8 п.л.).*

16. *Волков Е.В. «Коннице отведено едва ли не последнее место» // Белая гвардия. – 2001. – № 5. – С. 30–35 (1 п.л.).*

17. *Волков Е.В. Дневник генерала С.Н. Войцеховского: новые штрихи к выступлению чехословацкого корпуса в мае 1918 г. // Белая армия. Белое дело. – 2001. – № 9. – С. 90–94 (0,8 п.л.).*

18. *Волков Е.В. Благосостояние и быт колчаковских офицеров // История Белой Сибири: тез. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – С. 128–131 (0,3 п.л.).*

19. *Волков Е.В. Войцеховский Сергей Николаевич // Челябинск. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 154 (0,1 п.л.).*

20. *Волков Е.В. Гайда Радола // Челябинск. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 173 (0,1 п.л.).*

21. *Волков Е.В. Западная армия белых // Челябинск. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 292 (0,2 п.л.)*

22. *Волков Е.В. Каппель Владимир Оскарович // Челябинск. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 347 (0,1 п.л.).*

23. *Волков Е.В. Колчак Александр Васильевич // Челябинск. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 384 (0,1 п.л.).*

24. *Волков Е.В. Косьмин Владимир Дмитриевич // Челябинск. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 407 (0,1 п.л.).*

25. *Волков Е.В.* Перхуров Александр Петрович // Челябинск. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 617 (0,1 п. л.).
26. *Волков Е.В.* Сахаров Константин Вячеславович // Челябинск. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 729 (0,1 п.л.).
27. *Волков Е.В.* Сукин Николай Тимофеевич // Челябинск. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 800 (0,1 п.л.).
28. *Волков Е.В.* Третий Уральский корпус // Челябинск. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 849–850 (0,2 п.л.).
29. *Волков Е.В.* Ханжин Михаил Васильевич // Челябинск. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 909 (0,1 п.л.).
30. *Волков Е.В.* Челябинское совещание // Челябинск. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 958 (0,1 п.л.).
31. *Волков Е.В.* Челябинское сражение // Челябинск. Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 958–959 (0,2 п.л.).
32. *Волков Е.В.* Щепихин Сергей Арефьевич // Энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2001. – С. 1011 (0,1 п.л.).
33. *Волков Е.В.* Офицеры Генерального штаба на службе в войсках А.В. Колчака в период гражданской войны // Уржумка. – 2002. – № 1. – С. 62–71 (1 п.л.).
34. *Волков Е.В.* Православные священники в белых армиях: люди, идеи, судьбы // Военный комментатор. – 2002. – № 2. – С. 4–15 (1 п.л.).
35. *Волков Е.В.* Образ каппелевцев в фильме братьев Васильевых «Чапаев» // Каппель и каппелевцы. Сб. ст. и мат. – М.: Посев, 2003. – С. 529–544 (1 п.л.).
36. *Волков Е.В.* Пропагандистская деятельность православного духовенства в армии А.В. Колчака // История «Белой» Сибири: тез. межд. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. – С. 188–190 (0,3 п.л.).
37. *Волков Е.В.* Православное духовенство в войсках А.В. Колчака в годы гражданской войны // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки. Мат. науч. конф. – М.: Посев, 2003. – С. 32–36 (0,3 п.л.).
38. *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Куццов И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. – М.: Русский путь, 2003. – 240 с. (18 п.л.).
39. *Волков Е.В., Егоров Н.Д.* Генералитет старой русской армии в рядах белых армий на востоке России в годы гражданской войны (1918–1922) // Государственная власть и общество России в XX веке: мат. межвуз. науч. конф. – М.: Изд-во РГГУ, 2004. – С. 207–211 (0,4 п.л.).
40. *Волков Е.В., Егоров Н.Д.* «Молодой генералитет» белых армий востока России в годы гражданской войны (1918–1922) // Государственная власть и общество России в XX веке: мат. межвуз. науч. конф. – М.: Изд-во РГГУ, 2004. – С. 212–216 (0,4 п.л.).
41. *Волков Е.В.* «Не падайте духом, поручик Голицын...». Историческая память о Белом движении в советском и современном российском обществе // Проблемы российской истории. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2004. – Вып. IV. – С. 251–268 (1 п.л.).
42. *Волков Е.В.* Белое движение на отечественном экране: эволюция культурной памяти // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сб. ст. – Челябинск: Каменный пояс, 2004. – С. 251–268 (1 п.л.).
43. *Волков Е.В.* Оренбургские казаки в генеральских погонах: коллективный портрет на фоне Гражданской войны // Урал в контексте российской модернизации. – Челябинск: Каменный пояс, 2005. – С. 297–321 (1,2 п.л.).

44. Волков Е.В. Так говорили вожди: лики Белого движения в официальной риторике руководителей советского государства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2006. – Вып. 7. – № 17. – С. 25–35 (0,8 п.л.).
45. Волков Е.В. Крестьянский сын Белой России: линия жизни генерала П.П. Петрова // Белая армия. Белое дело. – 2006. – № 15. – С. 72–86 (1,2 п.л.).
46. Волков Е.В. Память о Гражданской войне и Общество русских ветеранов в Сан-Франциско // Опыт мировых войн в истории России. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – С. 396–417 (1 п.л.).
47. Волков Е.В. Неизвестная пьеса о А.В. Колчаке // Сибирь в период гражданской войны: мат. межд. науч. конф. – Кемерово: ГОУ «КРИПО», 2007. – С. 22–24 (0,4 п.л.).
48. Волков Е.В. Лицо врага: образы Белого движения в советском изобразительном искусстве (1918– 1939) // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – С. 129–153 (1,2 п.л.).
49. Волков Е.В. Акулинин Иван Григорьевич // Челябинская область. Энциклопедия: в 7-ми т. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – Т. 1. – С. 89 (0,1 п.л.).
50. Волков Е.В. Анненков Борис Владимирович // Челябинская область. Энциклопедия: в 7-ми т. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – Т. 1. – С. 142–143 (0,1 п.л.).
51. Волков Е.В. Гражданская война на Южном Урале // Челябинская область. Энциклопедия: в 7-ми т. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – Т. 1. – С. 963–966 (0,5 п.л.).
52. Волков Е.В. Историография Октябрьской революции и гражданской войны на Южном Урале // Челябинская область. Энциклопедия: в 7-ми т. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – Т. 2. – С. 641–643 (0,5 п.л.).
53. Волков Е.В. Мейбом Федор Федорович // Челябинская область. Энциклопедия: в 7-ми т. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – Т. 4. – С. 202 (0,1 п.л.).
54. Волков Е.В. Челябинские политические совещания // Челябинская область. Энциклопедия: в 7-ми т. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – Т. 7. – С. 223–224 (0,3 п.л.).
55. Волков Е.В. Челябинское военное совещание // Челябинская область. Энциклопедия: в 7-ми т. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – Т. 7. – С. 269–270 (0,2 п.л.).
56. Волков Е.В. «Всю жизнь я работал и работаю на пользу русского дела...»: общественно-политическая деятельность генерала А.И. Деникина в США (1945–1947 гг.) // Белая армия. Белое дело. – 2009. – № 17. – С. 116–121 (0,5 п.л.).
57. Волков Е.В. Генерал В.М. Молчанов: голос на магнитофонной ленте // Жизнь в истории: сб. науч. ст. к 85-летию А.П. Абрамовского. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 188–201 (0,5 п.л.).

Волков Евгений Владимирович

Белое движение в культурной памяти
советского общества: эволюция «образа врага»

Специальность 07.00.02 – «Отечественная история»

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 18.09.2009. Формат 60×80 1/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 2,32. Уч-изд. л. 2. Тираж 150 экз. Заказ 389/424

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ
454080 г. Челябинск, пр. им В.И. Ленина, 76.